

ПРЕДИСЛОВИЕ

Китай и Россия, входя в десятку крупнейших по численности населения стран, оказывают существенное влияние на демографические и социальные процессы в планетарном масштабе. Обе страны представляют переходные общества, в которых традиционные ценности подвергаются воздействию глобальных тенденций.

Процессы модернизации, происходящие в России и в Китае, проявляясь в макроэкономических показателях, имеют глубокую социальную основу. Истоки модернизации прослеживаются в изменении института семьи, его влиянии на поведение индивидуума, зависимости от демографической политики государства. Семья как общественное образование переживает в настоящее время непростой период трансформации традиционного состояния. Процесс перехода, являясь одной из цивилизационных особенностей современного мироустройства и миропорядка, имеет региональные, культурные, конфессиональные, национальные и прочие модификации. Данный проект нацелен на выявление страновой специфики, обусловленной, во-первых, полиэтничностью населения обеих стран и, во-вторых, своеобразием социокультурных трендов.

Тенденции большинства демографических процессов, фиксируемые в последние десятилетия, свидетельствуют о конвергентном характере демографического развития индустриально развитых стран. Всё более явственно обозначается совокупность перемен, начавшихся в Западной Европе и получивших в научной литературе название «второго демографического перехода». Помимо очень низкой рождаемости и низкой смертности они включают в себя более позднее вступление в брак и рождение детей, распространение альтернативных вариантов организации семейной жизни, в частности, нерегистрируемых браков и внебрачных рождений и т.п.

Применительно и к России, и к Китаю этот сам по себе весьма противоречивый и непростой процесс трансформации семейных отношений и форм не происходит как безоглядное восприятие «новых» ценностей и стереотипов. Традиционные типы семейных отношений не исчерпали своей жизненной силы. К тому же модернизация семьи протекает в условиях социальной, экономической и политической напряженности, ставящих определенные рамки.

Особое внимание авторами уделяется ключевым проблемам функционирования семьи в новых общественных реалиях, возможности сохранения традиционности и преемственности семейного уклада России и Китая, вопросам, связанным с обнаружением сходств и различий трансформационных трендов семейных отношений, структур и практик. Подчеркивается роль социальной политики государства в адаптации населения к новым реалиям. Предлагаемая монография служит обмену результатами научных исследований и наработками практического опыта между российскими учеными и китайскими специалистами в области актуальных проблем современной семьи, введения опыта отечественных исследований в мировое социологическое знание и реализацию государственной семейной политики.

Научная новизна заключается в систематизации теоретических подходов, комплексном описании статистико-демографических трендов, тенденций трансформаций супружеских отношений, межпоколенных взаимодействий и гендерных отношений в современных российских и китайских семьях.

Социология первого модерниста была по существу классификационной социологией, которая концептуально сортировала и пыталась упорядочить условия в пределах системы взглядов методологического национализма. В этом дискурсе семья была категорически определена и эмпирически осознана как «ядро общества» и столп государственного порядка. Отклонения от нормы были ясно отмечены.

Специалисты и в России, и в Китае нуждаются в социологии, которая позволяет приводить доводы в пользу семейных ценностей, их адаптации к новым условиям перед лицом нападков на нехватку семейных ценностей в современном обществе.

Наша основная цель — систематизированное описание релевантных базовым семейным отношениям характеристик социальной структуры и социальной динамики на уровне общностей, позволяющее определить ресурсные возможности и ограничения функционирования семьи в сложившейся системе общественных отношений и институтов, сопряженное с анализом индивидуальных предпосылок действий в сфере семейных отношений, опирающихся на современные процессы индивидуализации как атрибут общества позднего модерна.

Изменения, происходящие с семьей, в последние десятилетия слишком часто интерпретировались как деинституализация семьи. Эта оценка происходит из функционально-общественного понимания семьи, когда: а) любой член семьи воспринимается и оценивается как простой элемент группы, призванный способствовать выполнению определенных функций во благо некоторой общности; б) сама семья рассматривается как «ячейка общества», характеристики жизнедеятельности которой получают позитивную или негативную оценку только в зависимости от того, насколько хорошо данная ячейка выполняет функции-требования, предъявляемые (предписываемые) ей обществом (точнее, — государством).

Реальность семейных процессов всё более выходит из прокрустова ложа сугубо общественно-утилитарного подхода и оценок, что нередко провоцирует сторонников традиционного понимания семьи описывать состояние последней как кризисное.

Во всех промышленно развитых странах (в том числе в России и в Китае) отмечена мощная тенденция приватизации семьи, т.е. организация индивидуумами своей частной жизни в соответствии с их собственными стремлениями, когда интересы индивидуума имеют приоритет по отношению к интересам сообщества. В связи с этим только функциональная (общественно/государственно центрированная) оценка современных семейных процессов оказывается как минимум однобокой и тенденциозной.

Как и любое значительное социальное изменение, трансформация института семьи разрешает одни проблемы, создавая другие. Главная фигура развитого модерна — это одинокий мужчина или одинокая женщина (L. Gravenhorst). Потребности рынка труда абстрагируются от потребностей семьи, брака, материнства, отцовства, партнерства, помощи прародителям и т.д. Эти тренды начали проявляться и в России, и в Китае, но не столь очевидно.

Процесс модернизации становится рефлексивным и интерпретирует устаревшие самообразы и модели современной семейной жизни, принимая новую форму институциональной индивидуализации. Индивидуализация означает здесь структурное преобразование социальных институций, которое устанавливает новые отношения между индивидом и обществом. Происходят не просто изменения семьи в пределах сложившихся структур и моделей, но метаизменения — параллельная трансформация самих структур и моделей.

«Нормальная», «классическая», «традиционная», «стандартная» семья, основу которой составляет юридически зарегистрированная брачная пара, живущая вместе и ведущая совместное хозяйство, имеющая общих детей, не исчезла и, наверняка, будет продолжать оставаться в глазах большинства людей самой прототипической формой семьи. Но наряду с ней сосуществуют, считаются приемлемыми прежде «ненормативные» формы совместного проживания, которые менее жестки, чем раньше.

Предлагаемая монография явилась результатом работы двух коллективов — сектора социологии семьи, гендерных и сексуальных отношений Социологического института Российской академии наук и группы семьи и демографии Института социологии Шанхайской академии общественных наук. Большой вклад во взаимное понимание внесен докладами и дискуссиями в ходе совместных семинаров (10–16 сентября 2013, Санкт-Петербург и 05–07 декабря 2014, Шанхай). Все подготовленные разделы монографии переведены на английский язык для обеспечения взаимопонимания и выработки согласованной позиции.

Выражаем благодарность руководству Института социологии Шанхайской академии общественных наук и лично директорам института — профессору Чжоу Жинмин и профессору Ян Сюн, а также заместителю директора института, профессору Лу Сяо-вэнь, которые поверили в возможности нашего сотрудничества и создали благоприятные условия для совместной работы.

Благодарим доктора, профессора Пань Давей, зам. директора Центра русских исследований Шанхайской академии общественных наук, который своей энергией и знаниями способствовал реализации этого проекта.

Благодарим Российский гуманитарный научный фонд, без поддержки которого проект вряд ли бы мог состояться.

Благодарим Джона Дугласа Дефрейна, нашего коллегу из США, который на протяжении длительного периода помогал нам советами по выработке общей терминологии и единой конструкции.

Авторы надеются, что результаты работы окажутся полезны социологам, демографам, экономистам России и Китая, а также всем, кто интересуется социально-демографическими проблемами этих стран.

Ирина Елисеева, Аньци Сюй

INTRODUCTION

China and Russia are among the top ten most populous countries and they have an important impact on the demographic and social processes on a planetary scale. Both countries are transitional societies where traditional values are exposed to global trends.

Modernization processes taking place in Russia and China, which manifest itself in the macroeconomic indicators, have profound social basis. The origins can be traced to the change in the modernization of the family institution, its impact on the behavior of the individual depending on the population policy of the state. Family as public institution currently experiencing a complicate period of transformation of the traditional state. This process of transition is fixed throughout and is one of the features of the modern world civilization and world order. It is obvious that this process has a regional, cultural, religious, national and other modifications.

Along with common processes of transformation of the family, which is the general one to all industrialized countries, the project aims to identify the country-specific, due to, firstly, the multiethnic population of the two countries and, secondly, the peculiar socio-cultural trends.

Trends in most demographic processes latched in recent decades indicate convergent nature of the demographic development of the industrialized countries. More and more clearly denote the set of changes that began earlier in Western Europe, and received in the scientific literature named as “second demographic transition”. In addition to very low fertility and low mortality rates, they include later marriage and the birth of children, the spread of alternative options for family life, in particular, unregistered marriages and births out of wedlock, etc.

Concerning both Russia and China, this controversial and complicated process of transformation of family relations and forms does not flow like a direct perception of “new” values and stereotypes. Traditional types of family relations have not exhausted their course. In addition, the family modernization occurs in conditions of social, economic, and political intensity.

Particular attention is paid to the key issues of family functioning in the new social realities, the possibility of preservation of tradition and continuity of family life in Russia and China, the issues related to the discovery of similarities and differences of transformational trends of family relationships, structures, and practices. The role of social state policy concerning the adaptation of the population to a new reality is especially emphasized. This monograph is the exchange of research findings and best practices experience between Russian scientists and Chinese experts on the major problems of the modern family, the integration experience of domestic investigations into the world sociological community, the development of scientific advice to the government on the formulation and implementation of state family policy.

Scientific innovation is to systemize the theoretical approaches, the description of complex statistical and demographic trends, trends in the transformation of marital

relations, intergenerational interactions and gender relations in modern Russian and Chinese families.

Sociology of the first modernity was essentially a classification sociology, which conceptually sorted and tried to arrange the conditions within the belief system of methodological nationalism. In this discourse, the family was strictly defined and empirically recognized as the “core of society” and the pillar of the state order. Abnormalities were clearly marked.

Specialists in Russia and China need asociology, which allows to argue in favor of family values, their adaptation to the new conditions in the face of attacks on the lack of family values in modern society in global sense.

Therefore, our main goal is a systematic description of the relevant characteristics of the basic family relations of social structure and social dynamics at the level of communities, which allows to determine the resource potential and constraints of family functioning in the current system of social relations and institutions, combined with the analysis of individual prerequisites for action in the field of family relationships, relying on contemporary processes of individualization as an attribute of late modern society.

Changes taking place within the family, in the last decades are too often interpreted as deinstitutionalization family. This estimate is derived from the functional-public understanding of the family, when: a) any member of the family is perceived and valued as a prime element group that should perform certain functions for the benefit of a community; b) the family itself is seen as a “a cell of society”, whose the characteristics produce a positive or negative assessment only depending on how well the cell performs functions/requirements (prescribed) to its society (or rather the state).

The reality of family processes is increasingly coming out of the Procrustean bed of purely social-utilitarian approach and assessments, which often forces the supporters of the traditional understanding of the family describe the state of the latter as a crisis.

In all industrialized countries (including Russia and China) it is noted a strong trend of privatization of the family, i.e., organization of individuals to their private lives in accordance with their own aspirations, when the interests of the individual take precedence over the interests of the community. In this regard, only the functional (public-centered) assessment of current family processes is at least one-sided and tendentious.

As with any significant social change, the transformation of the institution of family solves one problem by creating others.

The main figure of the developed modern is a single man or a woman (L. Gravenhorst). Labor market needs are abstracted from the needs of the family, marriage, motherhood, fatherhood, partnerships, and others. These trends emerged in Russia and in China, but not so explicitly.

The process of modernization becomes reflexive and interprets outdated self-image and model of modern family life, taking a new form of institutional individualization. Personalization means here the structural transformation of social institutions, which establishes a new relationship between the individual and the society. Changes occur not just within existing family structures and models, but also as meta-transformations—parallel transformation of the structures themselves and models.

“Normal”, “classic”, “traditional”, “standard” family, which is basically a legally registered married couple with children, living together and having a joint household, has not disappeared entirely, and apparently will continue to be in many people’s eyes the most prototypical form of family. But along with normal forms the “deviant” forms of cohabitation are considered; that are less restrictive than before, today the forms that previously were considered “abnormal” are seen as acceptable.

This monograph is the result of the work of two groups: the sector of sociology of family, gender and sexuality, Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences, and the group of family and demography of the Institute of Sociology of the Shanghai Academy of Social Sciences. Great contribution to the mutual understanding was made by presentations and discussions during the joint workshop (September 10–16, 2013, St. Petersburg; December 5–7, 2014, Shanghai). All prepared sections of monographs have been translated into English to ensure mutual understanding and reach consensus.

We express our gratitude to the administration of the Institute of Sociology of the Shanghai Academy of Social Sciences, and particularly to directors of the Institute, Professor ZhouJianming and YangXiong, as well as Vice-Director — Professor Lu Xiaomen, who believed in the possibility of our cooperation and created favorable conditions for the joint work.

We thank Dr., Professor Pan Dawei, director of the Russia Studies Center of Shanghai Academy of Social Sciences, who with his energy and knowledge promoted the realization of this project.

We thank the Russian Humanitarian Science Foundation, without whose support the project would not be able to take place.

Thank you John Douglas Defreyn, our colleague from the United States, who over a long period helped us with tips on developing a common terminology and a common design.

The authors hope that the work will be useful to sociologists, demographers, economists of Russia and China, as well as to all, who is interested in the social and demographic problems of these countries.

Irina Eliseeva, AnqiXu

I. НАСЕЛЕНИЕ И ПРОКРЕАЦИЯ

I. POPULATION AND PROCREATION

НАСЕЛЕНИЕ И ПРОКРЕАЦИЯ

В данной главе мы рассмотрим изменения рождаемости в России за минувшие полвека, приведем краткий обзор теорий, объясняющих эти изменения, и предложим их интерпретацию, основанную на парадигме множественных современностей и институциональном подходе.

Динамика рождаемости в России в минувшие полвека: основные периоды

Динамика рождаемости в России в рассмотренном временном интервале включает пять периодов: 1) 1962–1980 гг.; 2) 1981–1987 гг.; 3) 1988–1999 гг.; 4) 2000–2006 гг.; 5) с 2007 г. по настоящее время (рис. 1). На протяжении первого периода рождаемость упала ниже уровня, обеспечивающего замещение родительского поколения поколением детей. Суммарный коэффициент рождаемости, составлявший в начале периода 2,63, к концу его снизился до 1,87. Доля внебрачных рождений в их общем числе достигла в 1968 г. своего минимума (10,3%) и на протяжении остальной части периода составляла около 11%.

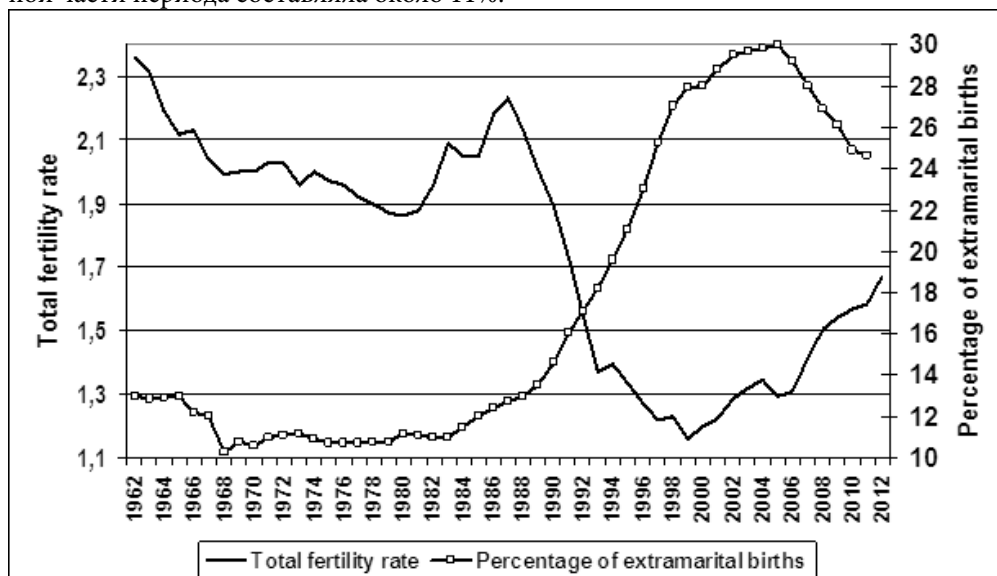


Рис. 1. Динамика суммарного коэффициента рождаемости и доли внебрачных рождений в России в 1962–2012 гг.

Источники: (Демографический... 2012, с. 91, 168); (Социально-экономические... 2012); Демоскоп-Weekly. Электронное издание. URL: <http://demoscope.ru/weekly/app/app4007.php>; <http://demoscope.ru/weekly/app/app4013.php>

Начало второму периоду положили меры государственной демографической политики, осуществление которых началось в России в 1981 г. Эти меры были направлены на стимулирование рождаемости; наиболее значимой из них было предоставление матерям частично оплачиваемого отпуска по уходу за ребенком до достижения им одного года. Размер такой оплаты составлял примерно 30–40% заработка начинающего специалиста. На протяжении рассматриваемого периода рождаемость в России вновь приблизилась к уровню простого воспроизводства, а на пике подъема даже превысила его. Доля внебрачных рождений начала медленно расти, однако к концу периода всё еще оставалась низкой по современным меркам — 12,7% от общего числа рождений.

Третий период (1988–1999) приходится на кризис экономики СССР, предшествовавший его распаду, и начальный период рыночных реформ в России, сопровождавшийся тяжелым экономическим спадом. На протяжении этого периода произошло почти двукратное снижение суммарного коэффициента рождаемости, составлявшего 2,23 в 1987 г. и рухнувшего к концу периода до своего полувекового минимума — 1,16. В тот же период произошел резкий скачок доли внебрачных рождений с 12,7% от общего числа рождений в 1987 г. до 27,9% в 1999 г.

В четвертом периоде (2000–2006), который пришелся на годы экономического подъема, суммарный коэффициент рождаемости начал медленно расти — с 1,16 в 1999 г. до 1,31 в 2006 г. Доля внебрачных рождений в 2005 г. достигла своего максимума за полувековой период — 30,0%.

Начало пятому периоду (с 2007 г. по настоящее время) положили меры демографической политики, направленные на стимулирование рождаемости. Важнейшей из них стало введение материнского капитала — целевой денежной выплаты, правом на получение которой обладают гражданки Российской Федерации, родившие второго или последующих детей в период с 2007 по 2016 г. включительно¹. Данная выплата может быть израсходована только на определенные цели — улучшение жилищных условий или оплату образования ребенка, либо присоединена к пенсионным накоплениям матери. Материнский капитал ежегодно индексируется с учетом инфляции и составлял в 2013 г. около 409 тыс. руб., то есть примерно 80 тыс. юаней. Начиная с 2007 г. суммарный коэффициент рождаемости начал непрерывно расти и, по предварительной приближенной оценке автора, составил 1,67 в 2012 г.² Общее число рождений в 2012 г. более чем в полтора раза (на 56,1%) превысило число рождений в 1999 г. и на 28,6% превысило число рождений в 2006 г. На протяжении 2007–2011 гг. доля внебрачных рождений постоянно снижалась и составила в 2011 г. 24,6% от общего числа рождений.

Для России характерно более раннее материнство, чем для стран Западной Европы. Najnal (1965) писал в свое время о линии Петербург — Триест, к востоку от которой наблюдались более ранние, а к западу — более поздние браки. Эти различия носят устойчивый характер. Средний возраст рождения ребенка в России со-

¹ В оговоренных законом особых случаях материнский капитал могут получать также ряд других категорий российских граждан.

² Данная оценка исходит из предположения о том, что темп прироста суммарного коэффициента рождаемости в 2012 г. к 2011 г. равен темпу роста численности родившихся за тот же период.

ставлял в 2011 г. 27,7 года (Демографический..., 2012, с. 166), тогда как во Франции 30,0 года, в Испании 31,2 года³. Тем не менее с середины 1990-х гг. наблюдается явная тенденция к «старению» материнства (рис. 2).

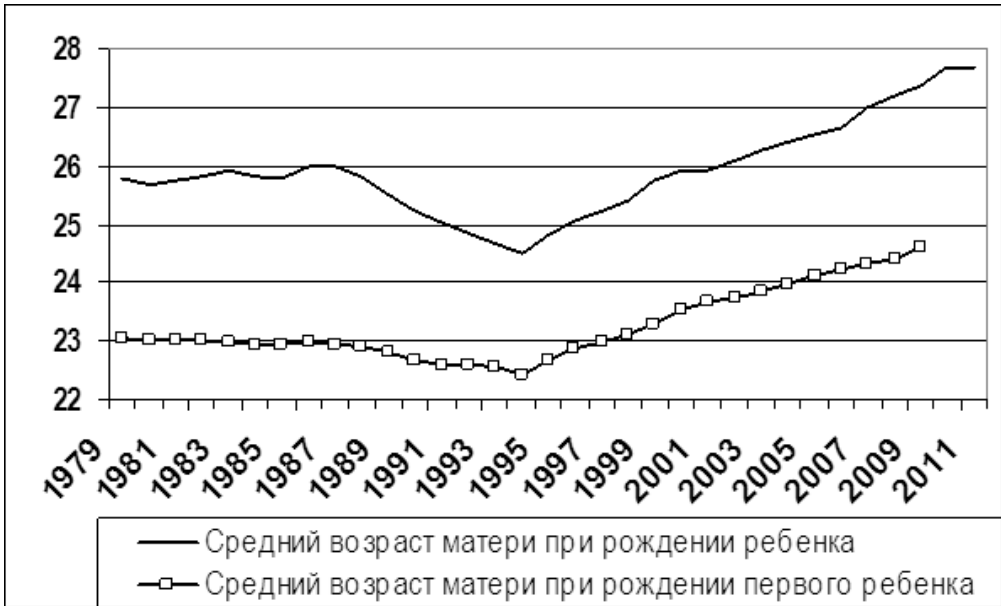


Рис. 2. Средний возраст матери при рождении ребенка и первого ребенка в России в 1979–2011 гг.

Источники: (Демографический..., 2012, с. 166); (Население..., 2011, с. 108)

Два типа теорий: российские особенности в глобальном контексте

Снижение рождаемости, с очевидностью обозначившееся в России в 1960–1970-е гг., потребовало теоретического осмысления. Этот процесс, начавшийся в 1980-е гг. и продолжающийся до настоящего времени, тесно вписан в глобальный теоретический контекст, на котором следует остановиться особо. Как известно, в осмыслении истории издавна соперничают две философские школы. Одна представляет всемирную историю как единый процесс, трактуя особенности различных цивилизаций как нечто второстепенное. Другая, напротив, акцентирует внимание на этих особенностях, придавая им первостепенное значение. Обе школы лежат в основе более частных социологических и демографических теорий, появляющихся на свет для того, чтобы дать ответ на злободневные вопросы современности.

На протяжении большей части второй половины XX столетия в рассматриваемой области господствовали теории, абстрагировавшиеся от цивилизационных различий. В социологии к ним в первую очередь относятся теории модернизации и вестернизации, в демографии — тесно связанные с ними концепции первого и второго демографического перехода. Однако ближе к концу столетия стало очевидным,

³ Бюллетень «Население и общество». Электронный ресурс. URL: <http://demoscope.ru/weekly/app/app40acb.php>.

что эти концепции не дают ответа на многие актуальные вопросы современности. В результате возник ряд экономических, социологических и междисциплинарных концепций, уделяющих цивилизационным различиям основное внимание.

D. North (1990) исследовал причины, по которым одни и те же меры экономической политики дают разную отдачу. North видит причины этих различий в институтах (*institutions*) — формальных и неформальных «правилах игры», по которым живут те или иные общества.

Теория множественности современностей (Eisenstadt, 2000) бросила вызов воззрениям, согласно которым в мире существует только одна форма современности — западная. Сторонники этой теории исходят из того, что в сегодняшнем мире сосуществуют множество форм современности, и западная форма — лишь одна из них.

Множественность форм современности предполагает и ее «неевропейская концептуализация» (Mouzelis, 1997). Отталкиваясь от парсонсианской схемы AGIL, Mouzelis показал на примере модернизации в Китае, Японии и странах Юго-Восточной Азии возможность различных вариантов субординации ее составных элементов и, в частности, доминирования высокоадаптивной экономики и традиций, обеспечивающих интеграцию общества, над либеральными ценностями и демократическим представительством.

Особую позицию занимает Martinelli (2005), по мнению которого, степень конвергенции или сближения современностей выше, чем полагают сторонники концепции нескольких современностей. В то же время, считает Martinelli, в развивающихся странах происходит непрерывный процесс отбора, интерпретации и переформулирования идей, заимствованных из современной западной цивилизации.

В работах Кирдиной говорится о двух институциональных матрицах: X-матрице, доминирующей в России, Азии и Латинской Америке, и Y-матрице, доминирующей на Западе. В первой централизованное государственное управление и перераспределительные экономические институты играют большую роль, чем во второй. Кроме того, X-матрица основана на приоритете коллективных интересов над индивидуальными, тогда как для Y-матрицы ключевое значение имеют «институты субсидиарной идеологии, закрепляющие приоритет «Я» над «Мы», примат личности, ее прав и свобод по отношению к ценностям сообществ более высокого уровня» (Александров, Кирдина, 2012, с. 9). При этом, по мнению данных авторов, дополнение базовых институтов одной матрицы базовыми институтами другой должно быть дозированным, ибо недостаточное заимствование «чужих» институтов ведет к стагнации, а избыточное — к социальным потрясениям и революциям (Александров, Кирдина, 2013, с. 72).

Сравнительный анализ социальной политики (Esping-Andersen, 1990) показал, что даже в пределах западного мира издавна сложились различные модели социальной политики. Государство благосостояния в странах Северной и Западной Европы является более щедрым, чем в Южной Европе и Северной Америке.

Развитие теоретической мысли в социологии и в демографии было в рассмотренном периоде асимметричным. В отличие от социологии доминирующее значение в демографии по-прежнему занимают теория демографического перехода и теория второго демографического перехода. Первая из них описывает всемирный

процесс перехода от высокой к низкой рождаемости и смертности и пытается объяснить детерминанты этого процесса. Вторая не только описывает ценностные изменения, лежащие в основе новой модели демографического поведения в Западной и Северной Европе, — более раннего сексуального дебюта, роста внебрачных союзов и внебрачных рождений, но и рассматривает их как модель будущих изменений в других регионах Земли.

Согласно Van de Kaa (1996, p. 425), «рост доходов, а также экономическая и политическая безопасность, которые обеспечивают своим гражданам страны с благополучной демографической ситуацией, запустили «тихую революцию» — движение в «постматериалистическом направлении» (А. Маслоу), когда индивиды воспринимаются такими, какие они есть, а вопросы о разводах, абортх, сожителстве, стерилизации и добровольной бездетности решаются самими индивидами и супружескими парами». В последующих работах (Surkin, Lesthaeghe, 2004; Lesthaeghe, 2010) второй демографический переход рассматривался как разворачивающийся процесс, охватывающий всё более широкий географический ареал. При этом отличия от первоначального северо- и западноевропейского образца трактуются как вариации в рамках второго демографического перехода. Теории первого и второго демографического перехода, таким образом, трактуют глобальное демографическое развитие как однолинейный процесс, в авангарде которого идет западный мир, а остальные регионы Земли следуют с большим или меньшим отставанием в его фарватере.

В демографии, в отличие от социологии, теории, акцентирующие внимание на особенностях развития отдельных регионов, менее развиты. Следует, однако, отметить триаду МакНиколла (McNicoll) *legacy, policy, circumstances*, позволяющую установить роль «зависимости от колеи», институтов, политики и внешних обстоятельств в изменении рождаемости (McNicoll, 2009). В ряде работ показаны отличия южноевропейского типа семьи, для которого характерны сильные внутрисемейные связи, от северо- и западноевропейского типов, где такие связи ослаблены (Granoveter, 1973). Reher (2003, p. 221) подчеркивает устойчивость таких различий, отмечая, что «силы, определяющие современный мир и являющиеся общими для большинства во всех обществах, оказываются не единственными факторами, влияющими на эти общества в силу наличия уникальных исторических особенностей каждого общества, которые также делают вклад в формирование образа настоящего и будущего». Имеется немало работ, в которых предложены интересные теоретические объяснения особенностей рождаемости в отдельных регионах Земли, например, в Южной Европе (Dalla Zuana, 2001; Micheli, 2000).

Большинство российских исследователей также акцентировало внимание на общих чертах изменений рождаемости в России и развитом мире. При этом, однако, обозначились две принципиально различные теоретические позиции: одна, занимаемая сторонниками теорий демографического перехода, другая — сторонниками концепции снижения потребности в детях.

Первая из них опиралась на теорию демографического перехода, занимавшую к тому времени доминирующее положение в западной демографии. В работах Вишневого было развито одно из направлений этой теории — концепция демографического гомеостаза (Вишневский, 1982). Согласно Вишневскому, попытки повысить

рождаемость в отдельно взятом государстве — будь то Россия или страны Запада — бесперспективны, ибо идут вразрез с общепланетарными процессами. Снижение рождаемости, независимо от того, о какой стране идет речь, полагают сторонники данной позиции, является частью саморегулирования сложной самоорганизующейся системы, которую представляет собой планета Земля. Механизм такого саморегулирования состоит в том, что все жители Земли получают одни и те же информационные сигналы, в силу чего и реагируют на них одинаково — снижают рождаемость (Демографическая..., 2006, с. 547).

Несколько по-иному вписывает снижение рождаемости в России в мировой демографический контекст Захаров (2002, 2006). По его мнению, стержнем снижения рождаемости в России является процесс второго демографического перехода. Теория второго демографического перехода описывает и объясняет изменения в сфере сексуального поведения, семьи и прокреации, начавшиеся в 1970-е гг. в Северной и Западной Европе. Важной частью таких изменений стало резкое уменьшение контроля государства над процессами в данной сфере: отмена ограничений на распространение и пропаганду контрацептивов, либерализация законодательства в отношении производства аборт, упрощение процедуры развода. Концепция второго демографического перехода является теоретическим осмыслением этих изменений, в силу чего для ее сторонников характерно весьма скептическое отношение к государственной демографической политике.

Практическим выражением концепций демографического перехода стал проект государственной семейной политики, предложенный сторонниками данной точки зрения в последние годы существования СССР и воспроизведенный ими десятилетие спустя. Этот проект исходил из того, что «государство... не проводит ни пронаталисткой, ни антинаталистской политики» (Население..., 2000, с. 166). При разработке действующей в настоящее время Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 г. данный подход был отвергнут. В соответствии с указанной концепцией демографическая политика Российской Федерации направлена на рост рождаемости (Концепция..., 2007).

Теория снижения потребности в детях (Антонов, 1980, 2009; Борисов, 2009) является во многих отношениях альтернативной по отношению к теориям демографического перехода. По мнению Антонова, Борисова и их сторонников, снижение потребности в детях является крайне опасным для общества процессом, ведущим в перспективе к полной бездетности. Этот процесс, в свою очередь, обусловлен отмиранием центральной роли семьи и семейных ценностей в жизни современного «общества потребления». По мнению сторонников данной концепции, «общество может добиться торможения кризиса семьи и рождаемости на приемлемом для себя (но искусственно поддерживаемом!) уровне. И оно обязательно добьется этого рано или поздно» (Антонов, 2009, с. 71). Известный российский демограф В. Борисов (1933–2005) в статье, размещенной в интернете в 2005 г., незадолго до активизации российской демографической политики, подчеркивал, что «без активной пронаталистской политики в России рождаемость в России не повысится никогда» (2009, с. 93).

В отличие от сторонников теорий демографического перехода, сторонники теории снижения потребности в детях выступают за активную демографическую политику

ку государства. Главной целью такой политики, с их точки зрения, должны быть изменения в системе ценностей, господствующей в современном обществе, и формирование социально-психологической потребности в третьем и четвертом ребенке. Меры экономического стимулирования, полагают они, полезны, однако сами по себе не могут переломить снижение рождаемости, ибо его причины лежат за пределами экономики.

Несмотря на принципиальные различия между теориями второго демографического перехода и уменьшения потребности в детях, у них есть и общие черты. Во-первых, обе они фокусируют внимание на глобальных процессах, считая, что особенности отдельных стран не имеют принципиального значения. Во-вторых, они сосредотачивают внимание на эволюции семьи, уделяя значительно меньшее внимание роли государства. В-третьих, обе теории оперируют значительными по длительности (полувекowymi и более) временными интервалами. В-четвертых, они не уделяют значительного внимания особенностям демографического поведения отдельных групп населения. Наконец, в-пятых, обе теории, в силу названных особенностей, не уделяют сколько-нибудь значительного внимания практическим шагам, связанным с экономическим стимулированием рождаемости и развитием инфраструктуры ухода за детьми, а также влиянию краткосрочных экономических изменений и демографической политики на рождаемость.

Государство, демографическая политика и рождаемость в современной России

В силу названных теоретических расхождений, в российской научной литературе существуют различные трактовки того, как демографическая политика влияла на изменения рождаемости в России в рассматриваемом периоде. Различие трактовок проявляется уже при оценке итогов демографической политики СССР в 1980-е гг. Ряд авторов полагает, что такая политика «с точки зрения общего повышения рождаемости» принесла эффект «едва отличающийся от нуля со знаком плюс» (Захаров, 2006, с. 63) и выразилась главным образом в сдвиге рождений на более ранние сроки. Отсюда делается вывод, что любые усилия повысить рождаемость с помощью мер государственной демографической политики бесперспективны.

Сторонники данной точки зрения обычно используют для аргументации своей позиции когортный анализ и суммарный коэффициент рождаемости в реальных поколениях. На наш взгляд, подобный подход методологически небезупречен. Репродуктивный период женщины длится, если отбросить очень ранние и очень поздние рождения, около 25 лет. Расстояния между поворотными точками российской политической и экономической истории были в рассматриваемом периоде намного короче. Так, производившиеся с 1981 г. выплаты матерям, находившимся в частично оплачиваемых отпусках по уходу за ребенком, к концу 1980-х гг. были в значительной степени обесценены инфляцией, 1990-е гг. были периодом трансформационного шока, в 2000–2006 гг. экономическая ситуация быстро улучшалась, однако демографическая политика носила в основном декларативный характер и лишь в 2007 г. снова резко активизировалась. В результате репродуктивный период каждой когорты охватывал как благополучные, так и трудные времена и, кроме

того, периоды, в которые демографическая политика была более и менее активной. Ввиду этого суммарные коэффициенты рождаемости в реальных поколениях представляют собой средние, взвешенные по числу «тучных» и «скудных» лет, и в силу этого не могут рассматриваться как адекватные измерители эффекта демографической политики, осуществлявшейся в тот или иной период.

«Возможно, — полагает Захаров, оценивая результаты демографической политики 1980-х гг., — для женских когорт 1955–1965 г.р. эффект мог бы быть и выше, если бы они свой третий десяток лет прожили в более спокойной социально-экономической атмосфере, чем та, которая сложилась в 1990-х гг.» (Захаров, 2006, с. 63–64). То же, однако, можно сказать и о когортах женщин, родившихся после 1965 г.: если бы демографическая политика 1980-х получила продолжение и развитие в 1990-х и первой половине 2000-х гг., то итоговое число рождений в них было бы более высоким. При таком развитии событий эффект демографической политики был бы столь ощутимым, что демографической ямы, в которой оказалась страна в 1990-е гг., не было бы вовсе.

На наш взгляд, эмпирические данные, приведенные в первом разделе данной главы, свидетельствуют о том, что влияние государства на рождаемость в России было в рассматриваемом периоде весьма существенным. Наиболее быстрый рост суммарных коэффициентов рождаемости для условного поколения наблюдался в периоды, когда политика государства в области рождаемости носила наиболее активный характер: в 1981–1987 гг. и в 2007–2012 гг. Напротив, в периоды, когда такая политика была главным образом декларативной и не сопровождалась масштабными мерами финансовой поддержки семей, рождаемость снижалась или росла очень медленно.

Авторы, скептически оценивающие возможности демографической политики, склонны рассматривать демографическую политику СССР 1980-х гг. как изолированный эпизод. На наш взгляд, такая политика была скорее успешно начатым экспериментом, прерванным драматическим поворотом истории и возродившимся после того, как экономические условия стали более благоприятными. В пользу такого вывода свидетельствует очевидное сходство демографической политики СССР в 1980-е гг. и современной российской демографической политики. И в том, и другом случае главную роль в такой политике играет центральное правительство, роль региональных властей оказывается хотя и существенной, но значительно меньшей, а роль общественных организаций — незначительной. Ключевым элементом как советской, так и российской политики являются денежные выплаты, а основным их адресатом и получателем — мать, и лишь в исключительных случаях отец или сам ребенок. И в первом, и во втором случаях вслед за введением экономических стимулов наблюдался рост рождаемости.

Устойчивость подобной модели демографической политики в условиях как плановой, так и рыночной экономики, на наш взгляд, неслучайна. С одной стороны, подавляющее большинство россиян считают, что именно государство обязано принимать меры, направленные на повышение рождаемости в стране — такую точку зрения, судя по опросам фонда «Общественное мнение», высказали в 2006 г. 86% респондентов, в 2011 г. 81% (Ситуация..., 2011). Результаты социологического обследования «Семья и рождаемость», проведенного Росстатом в сентябре-октябре 2009 г., свидетельствуют о том, что, по мнению большинства россиян, улучшение демографической ситуации требует весьма ресурсоемких мер демографической политики: выплаты материнского

капитала, предоставления жилищных субсидий и т.д. (Зверева, 2012). С другой стороны, такие меры, ввиду их масштабности, могут быть осуществлены лишь на основе доходов федерального бюджета, а доведение выплат до конкретных адресатов даже чисто технически возможно лишь при главенствующей роли государства.

Рассматривая вопрос с более общих позиций, можно предположить, что демографическая политика, в центре которой находится государство, является в конечном счете закономерным следствием структурных особенностей российского общества, в структуре которого институты централизованного государственного управления всегда играли большую роль, чем на Западе. Более того, несмотря на очевидные отличия современного российского общества от советского общества 1980-х гг., факторы, определяющие центральную роль государства в реализации демографической политики, не претерпели существенных изменений.

Очевидно, однако, что, несмотря на закономерность сложившейся к настоящему времени модели демографической политики, она нуждается в дальнейшем развитии. Хотя демографическая политика должна осуществляться при главенствующей роли государства, ее осуществление *только* государством имеет ряд недостатков. К их числу относятся в первую очередь недостаточное использование потенциала активности граждан и некоммерческих организаций; а также недостаточное вовлечение в реализацию политики работодателей и муниципальных властей. Таким образом, дальнейшее развитие демографической политики должно быть связано не только с наращиванием ее финансирования, но и с вовлечением в ее разработку и реализацию более широкого круга социальных акторов.

Социальные различия в детерминантах изменения рождаемости

Как известно, теория второго демографического перехода уделяет мало внимания социальной и этнической неоднородности общества. Отчасти это определяется тем, что данная теория создавалась в период, когда численность иммигрантов из развивающихся стран в развитых странах была значительно меньше, чем сейчас. Играет свою роль и то, что данная теория уделяет процессам конвергенции большее внимание, чем процессам дивергенции.

Сторонники теории второго демографического перехода полагают, что основным направлением изменений рождаемости в России является движение в сторону западных образцов. На мой взгляд, этот процесс носит более сложный характер. Наблюдаемые в России изменения в характере формирования семьи отнюдь не сводятся к движению в направлении западноевропейских паттернов демографического поведения. Более того, они вообще не являются «переходом» в смысле движения от одной наиболее распространенной в данный момент модели семьи к другой, которой еще предстоит стать самой распространенной. В действительности наблюдаются лишь определенные сдвиги в распространенности тех или иных паттернов демографического поведения и типов семей, при этом каждый из них продолжает оставаться социально значимым.

Об этом, в частности, свидетельствует динамика и региональная вариация брачной и внебрачной рождаемости в России. Если бы распространение

внебрачной рождаемости определялось главным образом сдвигом в сторону «постматериалистических» ценностей, о которых говорит теория второго демографического перехода, то можно было бы ожидать прямой корреляции между уровнем социально-экономического развития региона и долей внебрачных рождений. Однако в действительности такая корреляция является обратной (рис. 3). Данные по 84 субъектам Российской Федерации за 2011 г. свидетельствуют о тесной отрицательной корреляции ($r = -0,78$) доли внебрачных рождений с ожидаемой продолжительностью жизни при рождении (*life expectancy at birth*) (рассчитано по: (Демографический..., 2012, с. 99–105, 168–174). Ожидаемая продолжительность жизни при этом определяет региональную вариацию доли внебрачных рождений на 60,2%. Доля внебрачных рождений в Москве и Санкт-Петербурге — городах, где упоминаемый теорией второго демографического перехода сдвиг потребностей в сторону «масловиянского постматериализма», — казалось бы, должен быть наиболее сильным, составляла в 2011 г., соответственно, 20,9 и 21,9%, что ниже, чем в среднем по России (24,6%). В городской местности, которая традиционно считается более продвинутой по шкале постматериалистических ценностей, доля внебрачных рождений — 23,8% — ниже, чем в сельской — 28,6% ((Демографический..., 2012, с. 168–174). Таким образом, внебрачная рождаемость в России в немалой степени связана с социальным и экономическим неблагополучием, индикатором которого является низкая продолжительность жизни.

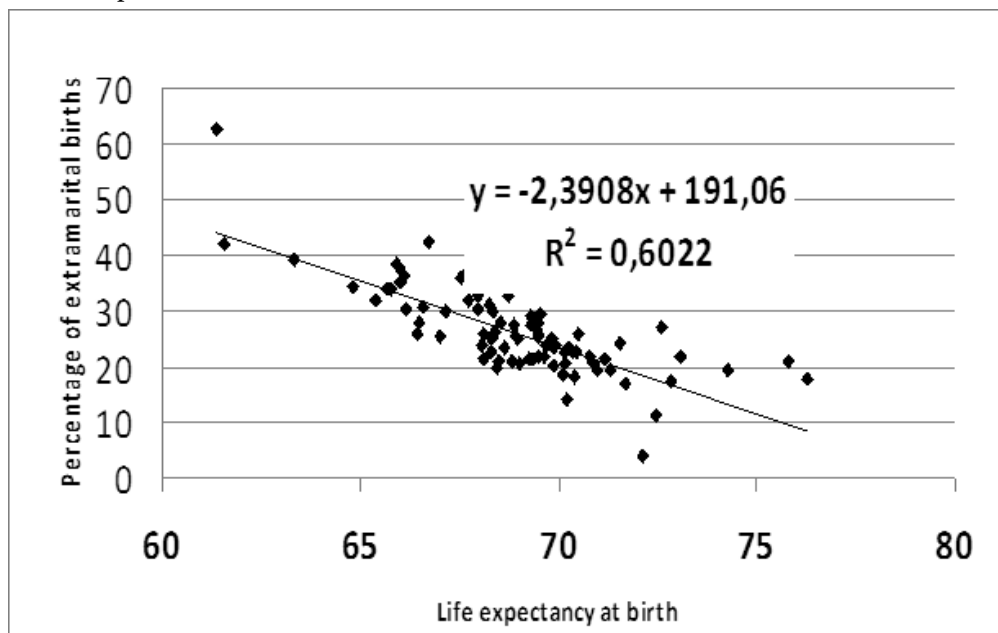


Рис. 3. Ожидаемая продолжительность жизни и процент внебрачных рождений в субъектах Российской Федерации в 2011 г.

Источник: (Демографический..., 2012, с. 99–105, 168–174)

Об этом же свидетельствуют и результаты, полученные на основе индивидуальных биографий (Perelli-Harris, Gerber, 2009). По их данным, в России более высокая внебрачная рождаемость типична для менее образованных женщин. Это обусловлено тем, что вероятность вступления в брак после внебрачного зачатия у этой группы женщин меньше, чем у женщин с более высоким уровнем образования.

Не следует сбрасывать со счетов и устойчивые национальные и религиозные традиции — доля внебрачных рождений в республиках Северного Кавказа, традиционной религией которых является ислам, заметно ниже, чем по России в среднем, тогда как в сельском населении Тывы, Бурятии и Хакасии значения этого показателя достигают, соответственно, 60,3, 42,7 и 40,5% (Демографический..., 2012, с. 168–174).

Динамика брачных и внебрачных рождений в 1991–2011 г. также свидетельствует о многослойности этого процесса. Быстрый рост числа внебрачных рождений в период трансформационного шока в 1990-е гг. у одной части населения был связан с изменениями системы ценностей, описываемыми теорией второго демографического перехода, тогда как у другой — с нестабильностью семей, провоцируемой глубоким экономическим и социальным кризисом. По мере улучшения социальной и экономической ситуации в стране рост внебрачных рождений сначала замедлился, а затем стабилизировался и в последние годы сменился снижением (рис. 4). Прирост числа рождений в 2007–2012 гг., стимулированный мероприятиями демографической политики, произошел практически полностью за счет рождений в браке.

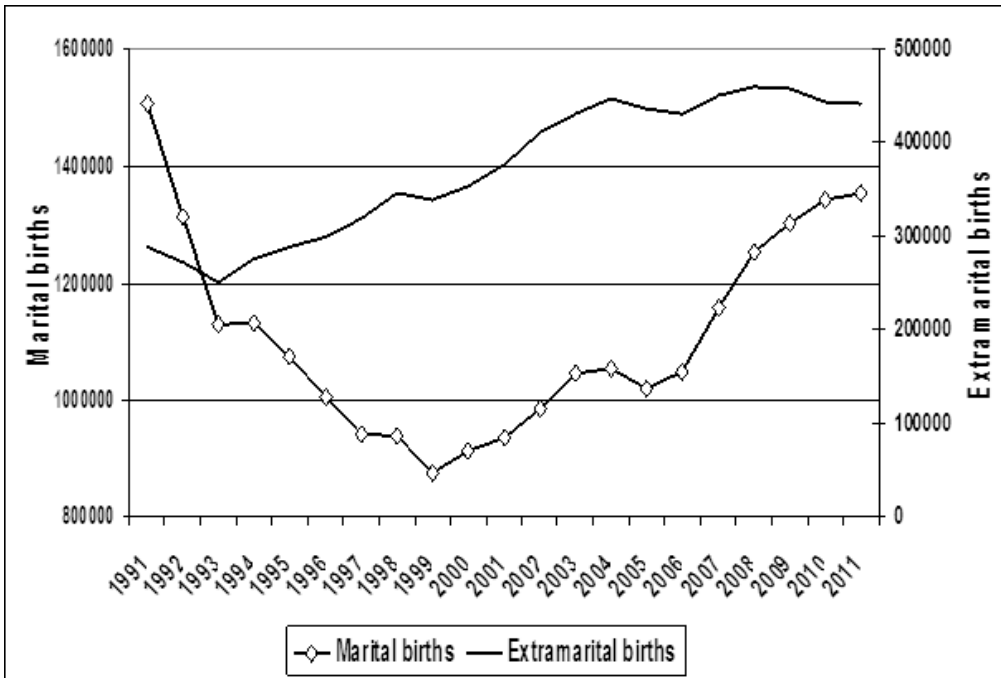


Рис. 4. Число брачных и внебрачных рождений в России в 1991–2011 гг.

Источник: (Социально..., 2012)

Ввиду всего сказанного, при проведении социальной и демографической политики в России неприемлемо заложенное в теорию второго демографического перехода разделение семей на «прогрессивные» — те, что руководствуются нон-конформистскими ценностями (Surkyn, Lesthaeghe, 2004) и обзаводятся ребенком ближе к 30 годам, — и все остальные. Демографическая политика в России должна быть дифференцированной, учитывать специфические потребности различных типов домохозяйств и обеспечивать справедливый баланс их интересов

Заключительные замечания

История объяснений современного демографического развития России на основе теории второго демографического перехода насчитывает к настоящему времени уже два десятилетия, что позволяет подвести ее предварительные итоги. Они, на мой взгляд, состоят в том, что указанная теория дает адекватное описание прокреативного поведения лишь определенной группы российского населения. Эта группа тем не менее не составляла на протяжении рассматриваемого периода его большинства. Более того, к настоящему времени нет сколько-нибудь убедительных свидетельств того, что она станет им в близком будущем.

Адаптация теории второго демографического перехода к специфике незападных обществ происходила в рассматриваемом периоде главным образом за счет расширения его первоначального определения. Теория второго демографического перехода в ее первоначальной версии была предназначена для описания процессов, происходящих в Северной и Западной Европе. В их описании неслучайно присутствовали «демократические государства всеобщего благосостояния», «укорененная снизу демократия» и «постматериалистические ценности». Речь шла не просто об изменениях значений демографических показателей (в этом случае вместо теории имел бы место комментарий к статистическому сборнику), а о сдвигах в системе ценностей, порожденных определенной социально-экономической средой и породивших новые паттерны демографического поведения. Подобная целостность теории и объекта, отражаемого ею, затрудняла ее использование для объяснения изменений, происходящих за пределами западных стран. Выход, на мой взгляд, иллюзорный, был найден в замене сторонниками данной теории первоначального определения понятия «второй демографический переход» иным, более широким.

В работах Захарова используются, например, несколько не совпадающих по объему определений второго демографического перехода. «В своем демографическом поведении, — предполагает он, — человек будет руководствоваться, вероятнее всего, нематериалистическими ценностями, «настраивая» индивидуальный календарь демографических событий на изменение конкретных и многообразных жизненных обстоятельств» (Захаров, 2002). «Второй демографический переход, — пишет Захаров, — связан с не менее фундаментальными сдвигами в жизненном цикле современного человека, чем первый переход: еще более расширяется свобода выбора брачного партнера и форм совместной жизни, еще более ответственным становится подход к последствиям сексуальных отношений, чему соответствует более высокая, чем прежде, эффективность планирования сроков появления потом-

ства» (Захаров, 2005). Легко видеть, что ни в одном из этих определений не упоминается «демократическое государство всеобщего благосостояния», а во втором не говорится уже и о «нематериалистических» ценностях. В еще более поздней работе Захарова речь идет уже просто об «эволюции рождаемости в развитых странах, называемой вторым демографическим переходом» (Zakharov, 2008, p. 250). В условиях, когда само определение второго демографического перехода становится всё более размытым, возникает опасность того, что дискуссия о сходстве эволюции рождаемости в России и других развитых окажется бесплодной.

На мой взгляд (Клупт, 2008, 2010, 2012; Klupt, 2011) более плодотворен иной подход. Российская современность — это современность иного типа, чем западная. Ее нельзя адекватно отразить, игнорируя теории, объясняющие западную современность, но в то же время нельзя объяснить, опираясь только на них. Фокус исследования должен быть перенесен на исследование социальных, политических, экономических и других механизмов, преломляющих глобальные и западноевропейские импульсы, сквозь призму российских институтов. Парадигма множества современностей (*multiple modernities paradigm*) и институциональный подход являются лучшей основой для решения этой задачи, нежели теория второго демографического перехода.

Два аспекта рассмотренной выше проблематики представляются при этом особенно важными. Во-первых, несмотря на существенные изменения роли государства в последние десятилетия, оно по-прежнему оказывает существенное влияние на демографические процессы в России. Из этого следует, что для их понимания необходимо, наряду с диадой «семья — рождаемость», рассматривать и триаду — «государство — семья — рождаемость». Во-вторых, первостепенное внимание следует уделить тому, как эволюция российского общества сказывается на прокреативном поведении различных социальных групп и его мотивационной основе. Для повышения эффективности демографической политики в России необходимо повышение ее адресности, основанное на лучшем понимании механизмов прокреативного поведения и нужд различных социальных групп российского общества.

ССЫЛКИ

- Александров Ю.И., Кирдина С.Г. Типы ментальности и институциональные матрицы: мультидисциплинарный подход // Социологические исследования. 2012. № 2. С. 3–12.
- Александров Ю.И., Кирдина С.Г. Коэволюция институтов и ментальных моделей // Эволюционная и институциональная экономика: теория, методология, практика исследований. Т. 2. / Под ред. В.Б. Акулова. 2013. С. 69–81.
- Антонов А.И. Социология рождаемости. М., 1980.
- Антонов А.И. Падение рождаемости, кризис семьи и неизбежность депопуляции в Европе в первой половине XXI века (социологический подход) // Демографические исследования / Под ред. А.И. Антонова. М., МГУ. 2009. С. 68–80.
- Борисов В.А. Демографическая ситуация в современной России // Демографические исследования / Под ред. А.И. Антонова. М., МГУ. 2009. С. 81–103.

- Вишневский А.Г.* Воспроизводство населения и общество. История, современность, взгляд в будущее. М., 1982.
- Демографическая модернизация России: 1900–2000 / Под ред. А.Г. Вишневого. М., 2006.
- Демографический ежегодник России. 2012: Росстат. М., 2012.
- Захаров С.В.* Рождаемость в России: первый и второй демографический переход // Демографическая модернизация, частная жизнь и идентичность в России. Тезисы докладов. М., 2002. URL: http://demoscope.ru/weekly/knigi/konfer/konfer_08.html.
- Захаров С.В.* Перспективы рождаемости в России: второй демографический переход // Отечественные записки. 2005. № 3. С. 124–140.
- Захаров С.В.* Демографический анализ эффекта мер семейной политики в России в 1980-х гг. // СПЭРО. 2006, № 5: С. 33–69.
- Зверева Н.В.* Отношение населения к мерам демографической политики: региональный аспект // Региональная демографическая политика / Под ред В.В. Елизарова и Н.Г. Джанаевой («Демографические исследования», вып. 20). М., 2012. С. 110–128.
- Клупт М.* Демография регионов Земли. СПб., 2008.
- Клупт М.А.* Демографическая повестка XXI века: теории и реалии // Социологические исследования. 2010, № 8. С. 60–71.
- Клупт М.А.* Региональные альтернативы глобального демографического развития // Общественные науки и современность. 2012, № 2. С. 66–77.
- Концепция демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года (утв. указом Президента РФ от 9 октября 2007 г. № 1351).
- Население России 2000 / Под ред. А.Г. Вишневого. Восьмой ежегодный демографический доклад. М., 2001.
- Население России 2009 / Под ред. А.Г. Вишневого. Семнадцатый ежегодный демографический доклад. М., 2011.
- Ситуация с рождаемостью. База данных ФОМ. 28.04.2011. Электронный ресурс. URL: <http://bd.fom.ru/report/map/d111719> (дата обращения 04.10.2012).
- Социально-экономические показатели Российской Федерации в 1991–2011 гг. (приложение к статистическому сборнику «Российский статистический ежегодник. 2012») / Росстат. Электронное издание. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1270707126016.
- Dalla Zuana G.* The Banquet of Aeolus. Familistic interpretation of Italy's lowest low fertility. Demographic Research, 2001, Vol.4, article 5.
- Eisenstadt S.* Multiple modernities // Daedalus; Winter 2000. Vol. 129. № 1.
- Esping-Andersen G.* The three worlds of welfare capitalism. Cambridge, 1990.
- Granoveter M.* The strength of weak ties // American Journal of Sociology. 1973, № 78(6). P. 1360–1380.
- Hajnal J.* European marriage pattern in historical perspective in D.V. Glass and D.E.C. Eversley, (eds.) Population in History. 1965. P. 101–146.
- Klupt M.* Demographic Changes as a Multi-Choice Process: Role of the Regions. In Iontzev et al. (eds). Demographic developments: challenges of globalization (The seventh Valentevskiye Chteniya). International Conference. Moscow, 2012. P. 602–613.

- Lesthaeghe R.* The unfolding story of the second demographic transition. *Population and Development Review*. 2010, № 36(2). P. 211–251.
- Martinelli A.* *Global Modernization. Rethinking the Project of Modernity.* Sage publications. 2005.
- McNicol G.* Legacy, policy, and circumstance in fertility transition // *Population and Development Review*. № 35 (4). December 2009. P. 777–795.
- Micheli G.* Kinship, Family and Social Network. The anthropological embedment of fertility change in Southern Europe. *Demographic Research*, 2000, Vol. 3, article 13.
- Mouzelis N.* Modernity: A non-European conceptualization // C. Keyder (ed.) *Tradition in Modernity. Southern Europe in Question* // Proceedings of the ISA Regional Conference for Southern Europe. Istanbul. June 20–21 1997. P. 25–44.
- North D.* *Institutions, Institutional Change and Economic Performance*, Cambridge University Press, 1990.
- Perelli-Harris B., Gerber T.* Non-marital Childbearing in Russia. Second Demographic Transition or Pattern of Disadvantage // MPIDR WP 2009–007, March 2009.
- Reher D.* Family Ties in Western Europe: Persistent Contrasts // *Population and Development Review*. 1998, June, № 24(2). P. 203–234.
- Surkyn J., Lesthaeghe R.* Value Orientations and the Second Demographic Transition (SDT) in Northern, Western and Southern Europe: An Update. *Demographic Research special collection 3*, article 3, 2004.
- Van de Kaa D.J.* Anchored Narratives: the Story and Findings of Half a Century of Research into the Determinants of Fertility // *Populations Studies*. 1996, vol. 50. P. 389–432.
- Zakharov S.* Russian Federation: From the first to second demographic transition // *Demographic Research (электронный журнал)*. 2008. Vol. 19, article 24.

POPULATION AND PROCREATION

In this chapter we shall review fertility changes in Russia over the last 50 years, provide a brief summary of theories explaining these changes and suggest an explanation for them based on the multiple modernities paradigm and institutional approach.

Fertility changes in Russia over the last 50 years: the periodization

Fertility dynamics in Russia in the time span under analysis includes five periods: 1) 1962–1980; 2) 1981–1987; 3) 1988–1999; 4) 2000–2006; 5) from 2007 to present (Figure 1). During the first period fertility rates fell below the replacement level. The total fertility rate, 2.63 at the beginning of the period, fell to 1.87 at the end of it. The percentage of extramarital births among all births in 1968 reached its minimum (10.3%) and during the rest of the period totaled about 11%.

The second period was initiated by embarking upon the Soviet demographic policy in 1981. This policy was intended to stimulate fertility; the most important among the measures was granting mothers one year of a partially paid parental leave for one year after birth. The pay was equal to approximately 30%-40% of a young specialist's salary.

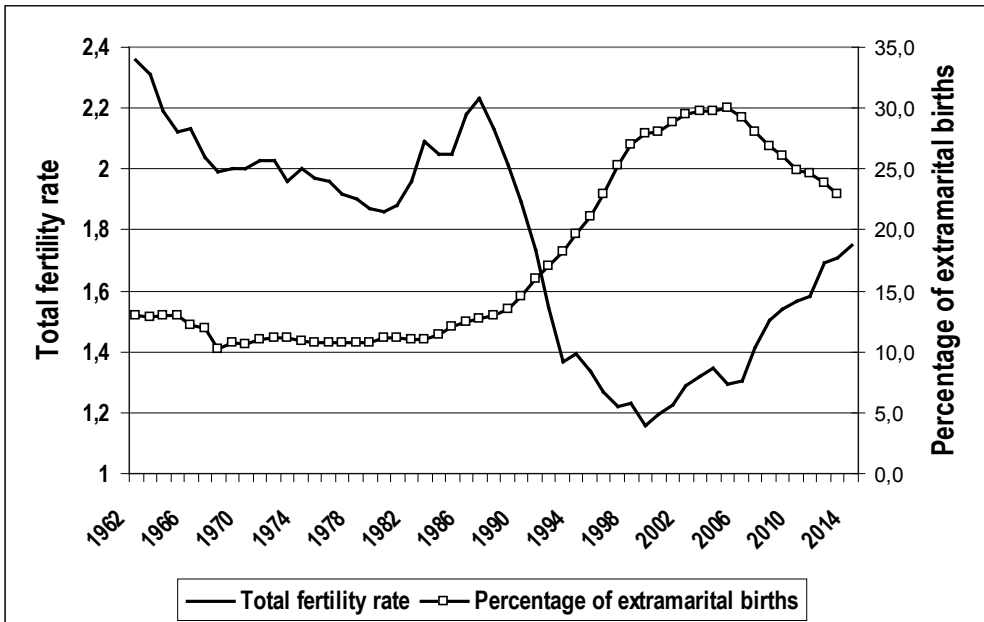


Figure 1. Total fertility rates and the percentage of extramarital births in Russia in 1962–2014

Sources: (Demographic... 2012, pp. 91, 168); (Socio-economic... 2012); (Russian...2014, p.88); Demoscope-Weekly. An electronic publication <http://demoscope.ru/weekly/app/app4007.php>; <http://demoscope.ru/weekly/app/app4013.php>

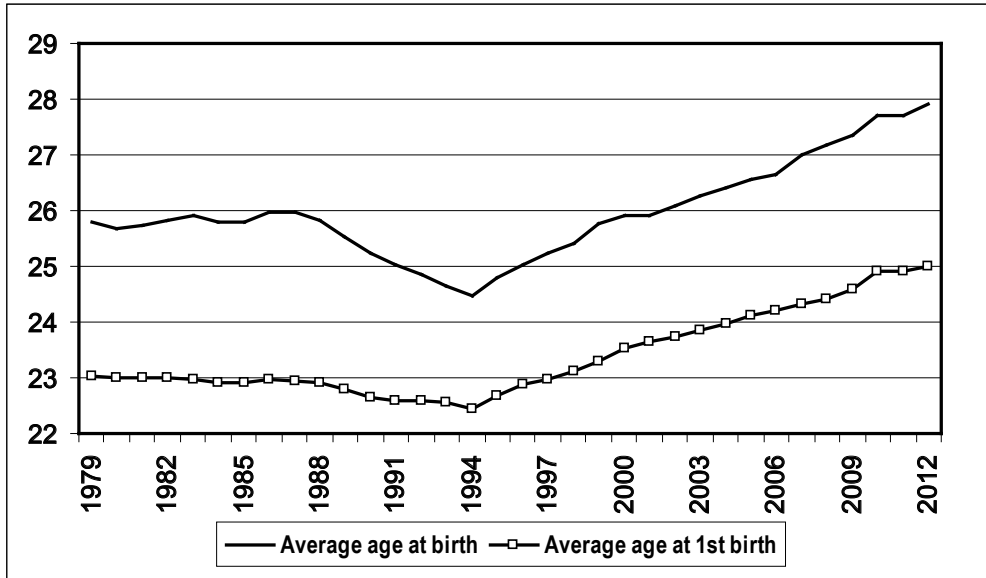


Figure 2. The mother's average age at the birth of a child and at the birth of a first child in Russia, 1979–2012

Sources: (Demographic..., 2012, p. 166); (Population... 2011, p. 108); (Population ...2014, p.119); (Demographic..., 2013, table 4.8)

During the period under review, fertility rates in Russia again reached the replacement level, and at their peak rose even higher. The share of extramarital births began to grow slowly, but by the end of the period it was still small by the present-day yardstick — 12.7% of the total number of births.

The third period (1988–1999) coincided with the economic crisis in the USSR, which was followed by the breakup of the country, as well as the initial period of the market reforms in Russia and the attendant heavy economic recession. The total fertility rates during this period were nearly halved: 2.23 in 1987, by the end of the period they dropped to the half century low — 1.16. During the same period the percentage of extramarital births made an upward leap from 12.7% of the total number of births in 1987 to 27.9% in 1999.

In the fourth period (2000–2006), marked by economic growth, the total fertility rates began to grow slowly — from 1.16 in 1999 to 1.31 in 2006. The percentage of extramarital births in 2005 reached its half century maximum: 30%.

The fifth period (from 2007 to the present) has been initiated by the new measures of a demographic policy designed to stimulate fertility. The linchpin of the policy is so called the maternity capital, a lump sum paid to Russia's female citizens on the birth of their second (or subsequent) child, if the birth takes place in the period from 2007 through 2016¹. This grant can be spent only on specific items, such as improving the housing conditions or paying for the child's education, or added to the mother's pension savings. The maternity

¹ In special cases provided for by law, the maternity grant can also be given to several other categories of Russian citizens.

grant, indexed annually against inflation, in 2013 totals about 409,000 roubles, or approximately 80,000 yuans. Beginning from 2007 the total fertility rates began to grow continuously, and by preliminary estimation went up to 1.75 in 2014. The total number of births in 2014 was by 60.3% larger than the number of births in 1999, and by 31.6% larger than the corresponding value for 2006. In 2007–2014 the share of extramarital births was steadily falling and in 2014 totaled 22.6% of the general number of births.

In Russia, women tend to become mothers earlier in life than women in Western Europe. Hajnal (1965) once wrote about the St.Petersburg-Trieste line, to the east of which people marry earlier, and to the west of which — later. These differences are persistent. In 2013 in Russia the average childbearing age stood at 28.0 years (Demographic..., 2014, table 4.8), in France (in 2012) — at 30, in Spain — at 31.² Yet, since the mid-1990s there has been a clear tendency to the “ageing” of motherhood (Figure 2).

Two types of theories: the Russian disputes in the global context

A distinctive tendency in Russia since the 1960s-1970s, the falling fertility rates required a theoretical explanation. This process, which began in the 1980s and continues to this day, is closely tied in with the global theoretical context worth a close look. As is generally known, a study of history has long been a battlefield for two competing schools of thought. One approaches the world's history as a single process, regarding individual characteristics of different civilizations as something peripheral. Another school, to the contrary, emphasizes these characteristics, placing them at the forefront. Both paradigms underlie a set of middle-range sociological and demographic theories which come into the world to provide answers to the burning issues of the day.

During the most part of the 1950–2000 period, ignoring civilizational differences was common both in sociological and demographic theorizing. It concerns, first of all, theories of modernization and westernization in sociology and the concepts of the first and second demographic transition in demography. However, by the end of the century it became obvious that these concepts do not provide answers to many vital questions of modernity. The outcome was the emergence of several economic, sociological and interdisciplinary concepts mostly focused on civilizational differences.

D. North (1990) explored the reasons why similar steps in economic policies yield different results. According to North, these differences are caused by institutions, the formal and informal “rules of the game” by which different societies live.

The multiple modernities theory (Eisenstadt, 2000) challenged the views that the world has only one form of modernity — the Western one. The proponents of this theory posit that the today's world has many forms of modernity, the Western one is being only one of them.

A “non-European conceptualization” of modernity (Mouzelis, 1997), too, presupposes a diversity of its forms. Starting off with Parsons' AGIL paradigm and using the examples of modernization in China, Japan and the nations of south-east Asia, Mouzelis demonstrated different possible varieties of subordination of modernization's elements and, in particular, of the domination of highly adaptive economy and traditions, which underpin the society's unity, over liberal values and democratic representation.

² <http://demoscope.ru/weekly/app/app40acb.php>

Martinelli (2005) has a distinctive opinion, believing that the degree of convergence or rapprochement of the modernities is higher than believed by proponents of several modernities. At the same time, Martinelli argues, the developing countries continuously select, interpret and re-formulate ideas borrowed from the modern Western civilization.

Kirdina in her works talks about two institutional matrixes — the X-matrix, predominant in Russia, Asia and Latin America, and the Y-matrix, predominant in the West. In the X-matrix a centralized management by agencies of the state and the redistributive economic institutions play a greater role than in the Y-matrix. Besides, the X-matrix prioritizes collective interests over individual ones, whereas at the core of the Y-matrix are “institutions of subsidiary ideology firmly prioritizing the ‘I’ over the ‘we’, the primacy of the individuality, his/her rights and freedoms in relation to the values of communities of a higher order” (Alexandrov, Kirdina, 2012, p. 9). At the same time, these researchers argue, caution should be exercised when complementing the basic institutions of one matrix with the basic institutions of another because an insufficient borrowing of “alien” institutions leads to stagnation and an excessive one — to social upheavals and revolutions (Alexandrov, Kirdina, 2013, p. 72).

A comparative analysis of the social policies (Esping-Andersen, 1990) has shown that even the Western world embraces different historical models of social policy. The welfare states in Northern and Western Europe are more generous than in Southern Europe and North America.

The theoretical frameworks in sociology and demography during the period under review were developing in an asymmetrical fashion. Unlike sociology, demography is still dominated by the theory of demographic transition and the theory of the second demographic transition. The former theory describes a worldwide process of transition from high to low fertility and mortality rates and attempts an explanation of this process. The latter not only describes the changes in the values that are essential to the model of demographic behavior in Western and Northern Europe — an earlier sexual debut, the growing numbers of cohabitations and extramarital births — but also treats these changes as a model of future transformations for other regions of our planet.

According to Van de Kaa (1996, p.425), “Rising incomes and the economic and political security which demographic welfare states offer their populations have helped trigger ‘a silent revolution’; a shift in ‘Maslowian post-materialist’ direction where an individual’s are accepted for what they are and decisions on divorce, abortion, cohabitation, sterilization and voluntary childlessness are largely left on discretion of individuals and couples involved.” In the subsequent works (Surkin, Lesthaeghe, 2004; Lesthaeghe, 2010) the second demographic transition was approached as an ongoing process with an ever widening geographic presence. And its differences from the initial northern and western European model are interpreted as variations within the second demographic transition. The theories of the first and second demographic transitions, thus, approach the global demographic evolution as a unilinear process with the Western world in the vanguard and the rest of the Earth’s regions following in its footsteps with a smaller or bigger delay.

Unlike in sociology, in demography theories emphasizing distinctive characteristics of different regions’ evolution are less developed. One should point up, however, the McNicoll triad *legacy, policy, circumstances*, which allows to identify the role of path dependence,

institutions, policies and external circumstances in fertility changes (McNicoll, 2009). Some researchers point to differences between the Southern European family type, with its strong intra-family ties, and the Northern and Western European family type, where such ties are weaker (Granoveter, 1973). Reher (2003, p.221) emphasizes stability of such differences, pointing out that “the forces making up the contemporary world, common for the most part in all societies, are not the only factors shaping these societies, because societies’ own historical trajectories, different in each case, will also contribute to the specific contours of the present and the future”. There are quite a lot of studies putting forward interesting theoretical explanations of the characteristics of fertility in individual regions of the world — for instance, in southern Europe (Dalla Zuana, 2001, Micheli, 2000).

Most Russian researchers also focused their attention on the general features of the fertility changes in Russia and the developed world. They, however, have tended to adopt one of the two radically different theoretical frameworks — the demographic transition theories, on the one hand, and the concept of declining need for children, on the other.

The former framework was rooted in the demographic transition theory, which by that time predominated in Western demography. Vishnevsky in his works explicated one of the ideas of this theory — the concept of demographic homeostasis (Vishnevsky, 1982). According to Vishnevsky, attempts to raise fertility rates in any single nation — whether Russia or a Western nation — are pointless because they are at odds with global processes. Proponents of this view believe that falling birth rates, in any country, are part of self-regulation of planet Earth as the complex self-organizing system. . The way the self-regulation works is that all residents of the planet receive the same informational signals and react to them identically — by procreating less (Demographic... 2006, p. 547).

Zakharov (2002, 2006) somewhat differently inscribes Russia’s falling fertility in the global demographic context. In his opinion, it is the second demographic transition that plays a pivotal role in fertility decline in Russia. The second demographic transition theory describes and explains changes in sexual behaviors, family life and procreation that began in the 1970s in Northern and Western Europe. An important element of these changes was a dramatic weakening of the state’s control over this sphere — the lifting of restrictions on the trade in, and advertising of contraceptives, liberalization of abortion-related legislation, simplification of divorce procedures. Since the concept of the second demographic transition is a theoretical reflection of these changes, its proponents are highly sceptical about the state’s demographic policy-making.

A draft of the family policy of USSR proposed by the proponents of the demographic transition concept shortly before disintegration of the Soviet Union and resuscitated by them a decade later, was a practical realization of this world-view. According to this draft, “the state... does not pursue either pro-natality or anti-natality policies” (The Population... 2000, p. 166). Official Conception of Russian Federation’s Demographic Policy Until 2025 turned down this idea. In accordance with official Conception, the demographic policy of Russian Federation is aimed at increasing of fertility (Conception... 2007).

The theory of a declining need for children (Antonov, 1980, 2009; Borisov, 2009) is in many regards an alternative to the demographic transition theories. According to Antonov, Borisov and their proponents, a declining need for children is a process which is very dangerous for a society and leads to complete childlessness. This process, in turn,

is conditioned by the diminishing role of family and family values in the life of the modern “society of consumption”. The advocates of this concept argue that “a society can slow down the crisis of the family and fertility so as to keep it at a level acceptable for itself (but artificially maintained!). And it is sure to achieve this sooner or later” (Antonov, 2009, p. 71). Known Russian demographer V. Borisov (1933–2005), in an article published on the web in 2005, not long before the revitalization of the Russian demographic policy, emphasized that “without a pronatalist policy Russia will never see its fertility rise” (2009, p.93).

Unlike proponents of the demographic transition theories, proponents of the theory of declining need for children speak out in favor of the state’s pro-active demographic policy-making. They believe that such policy should be centered around the goal of changing the system of values dominating in the modern society and generating a socio-psychological need for a third and a fourth child. Economic incentives, they believe, are useful but taken alone cannot reverse the downward trend of fertility because its causes are non-economic.

Despite the cardinal differences between theory of second demographic transition and theory of declining need for children, they share some characteristics as well. Firstly, both focus attention on global processes, presuming that the specifics of individual nations are not critically important. Secondly, they concentrate on evolution of the family, paying much less attention to the role of the state. Thirdly, both theories employ the division into periods of considerable length (50 years and more). Fourthly, they do not pay sufficient attention to distinctive features of demographic behavior of individual groups of population. And finally, fifthly, both theories, by virtue of the mentioned characteristics, do not pay any significant attention either to practical steps connected with economic stimulation of birth rates and development of childcare infrastructure or to the influence of short-term economic changes and demographic policy-making on fertility.

State, demographic policy and fertility in today’s Russia

Because of the mentioned theoretical disagreements, the Russian academic literature offers different accounts about how the demographic policy-making affected the changes in Russia’s birth rates in the period under consideration. The differences in the interpretations come to light even in evaluations of the results of the Soviet demographic policy in the 1980s. Several researchers assume that “from the viewpoint of general increase of fertility” such policy produced an effect “slightly larger than zero” (Zakharov, 2006, p. 63), its main effect being that women began to give birth earlier in life. Hence, a conclusion is made that any efforts to raise fertility rates through state interventions have no chance to succeed.

Proponents of this viewpoint usually argue their case applying the cohort analysis and such indicator as the cohort total fertility rate. In my opinion, this approach has methodological shortcomings. The reproductive period in a woman’s life lasts for about 25 years, if we do not take into account very early and very late births. The lengths of time between the crucial points in Russian political and economic history in the period under review were far shorter. Thus, the allowances granted, since 1981, to mothers who took the partially paid parental leave, by the end of the 1980s were largely devalued through inflation. The 1990s were a period of shock caused by the transformations, in 2000–2006 the economic situation was quickly improving but the demographic policy was mostly tokenistic,

and only in 2007 the demographic policy-making was given new vigor. As a result, each cohort's reproductive period embraced both good and bad times, as well as periods of varied intensity of the demographic policies. Thereat, the total fertility rates in real generations are the averages weighed by the numbers of "fat" and "lean" years and, therefore, cannot be considered as an appropriate tool to measure the effects of demographic policies carried out in a particular period.

Evaluating the results of the 1980s' demographic policies, Zakharov writes: "The effect could have been stronger for women's cohorts of 1955–1965 if they had lived the third decade of their lives in a calmer socio-economic situation than the one which they experienced in the 1990s" (Zakharov, 2006, pp. 63–64). However, the same can be said about the cohorts of women born after 1965: if the demographic policy of the 1980s had been continued in the 1990s and the first half of the 2000s, the total number of births in this period would have been higher. If this had been the case, the effect of the demographic policy would have been so tangible that the nation would not have experienced the demographic collapse such as it did in the 1990s.

In our view, the empirical data quoted in the first part of this chapter evidence the significant state's influence on fertility in Russia in the period under review. The fastest growth of the period total fertility rates was witnessed when the state's demographic activities were at their peak: in 1981–1987 and 2007–2012. To the contrary, in the periods when the state was pursuing a mostly tokenistic policy in this area, without supporting the families financially, the birth rates were falling or growing very slowly.

Those researchers who are skeptical about the practical implications of demographic policy-making are inclined to view the Soviet demographic policy of the 1980s as an isolated episode. In our opinion, however, this policy was an experiment that got off to a good start, came to a halt as the course of history took a dramatic turn but was resuscitated when the economic circumstances changed for the better. A support to this conclusion can be found in the obvious resemblance between the Soviet demographic policy of the 1980s and the today's Russian demographic policy. In both cases the key actor is a central government, with an important but far less significant role played by regional authorities and small role of non-governmental organizations. Both for the Soviet and Russian demographic policies cash grants are pivotal, and mothers remain to be the main addressees and recipients of these grants, while fathers or children themselves — only in exceptional situations. In both cases birth rates began to grow after the introduction of economic incentives.

In my opinion, the persistense of such model of demographic policy both in a planned economy and in a market economy is not a matter of chance. On the one hand, majority of Russians believe that it is the state's responsibility to take measures to increase birth rates in the country — according to the polls conducted by the Obshchestvennoe Mnenie [Public Opinion] foundation, this view was endorsed by 86% of respondents in 2006 and by 81% in 2011 (The Situation... 2011). As suggested by the findings of the survey "Family and Fertility" carried out by the Rosstat [official statistics agency] in September-October 2009, a majority of Russians believe that the improvement of the demographic situation requires resource-intensive measures in demographic policy-making: granting the maternity capital, housing subsidies, etc. (Zvereva, 2012). On the other hand, given the large-scale scope of these measures, they can be carried out only using federal revenues. In addition, reliable

transferring the payments to the addressees is possible, even from the technical viewpoint, only when the state authorities are in command.

Taking a broader view of the issue, one can suppose that in the final analysis a demographic policy with the state at the center is a natural outgrowth of the structural characteristics of the Russian society, where the institutions of centralized state management have always played a bigger role than in the West. Moreover, despite the obvious differences between the modern Russian society and the Soviet society in the 1980s, the factors determining the state's key role in demographic policy-making have not significantly changed.

It is clear, however, that although the present model of demographic policy is a natural outcome of evolution, it needs to be developed further. Although demographic policies should be implemented with the state in command and control, the situation when the state is the only actor has several deficiencies. They include, first of all, an insufficient utilization of the potential of citizens' and NGO's activism, as well as insufficient involvement of employers and municipal authorities in the realization of the policies. Thus, further development of the demographic policies requires not only increase in financing but also the involvement of a larger range of social actors in the process of its formulation and realization.

Social differences as determinants of fertility changes

As is known, the second demographic transition theory pays little attention to social and ethnic heterogeneity of society. This can be partly explained by the fact that the theory was being constructed when developed countries had fewer immigrants from developing countries than now. Another important factor is that this theory is focused more on convergence than on divergence.

Proponents of the second demographic transition theory assume that the main direction of fertility changes in Russia is toward the Western models. I believe this process to be more complex than that. The changes in family formation patterns observed in Russia cannot be reduced to a simple adoption of the Western European patterns of demographic behavior. Moreover, these changes are not even a "transition", if this word is taken to mean a movement from one currently prevailing family model to another, which is to replace its predecessor. In reality we witness only certain shifts in the incidence of specific patterns of demographic behavior and family types, with each of them remaining socially significant.

This is evidenced, in particular, in the dynamics and regional variations of marital and extramarital births in Russia. If the growing number of extramarital births could be largely explained by a shift to "post-materialist" values referenced in the second demographic transition theory, one would expect a direct correlation between the level of a region's socio-economic development and the share of extramarital births there. However, in reality this is an inverse correlation (Figure 3). The data for 83 territorial-administrative units of the RF for 2013 shows a close negative correlation ($r = -0,76$) between extramarital births and the life expectancy at birth. The life expectancy at birth meanwhile determines 58,2% of the regional variations in the percentage of extramarital births. In Moscow and St.Petersburg — the cities where the "Maslowian shift to post-materialist needs", one would assume, should be the strongest — the share of extramarital births in 2013 was 20,6% and 20,1%, which is lower than Russia's average (23,0%). In urban communities,

which are traditionally regarded as more advanced in the adoption of post-materialist values, the share of extramarital births, (23,8% in 2011), was lower than the respective share in rural communities, which was 28,6% in 2011 (Demographic...2012, pp. 168–174). So, extramarital births in Russia are to a large extent related to the social and economic malaise, evidenced by low life expectancy.

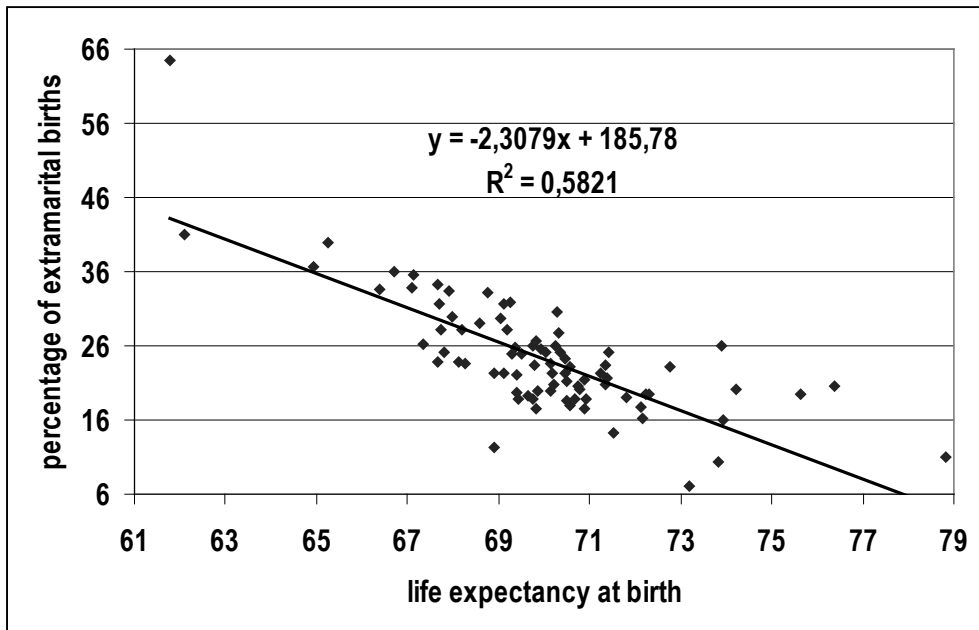


Figure 3 Life expectancy at birth and the share of extramarital births in the territorial-administrative units of the Russian Federation in 2013

Source: (Vital..., 2014, table 4); Rosstat database <http://www.gks.ru/dbscripts/cbsd/dbinet.cgi> (accessed 20.01.2015).

This is also suggested by an analysis of individual biographies (Perelli-Harris, Gerber 2009). According to them, in Russia extramarital births are more common among less educated women. The reason for this is that women from this group have fewer chances to become married after an extramarital conception than women with a higher degree of education.

Entrenched ethnic and religious traditions should not be discounted either — the share of extramarital births in the republics of North Caucasus, where Islam is a dominant religion, is appreciably smaller than Russia's average, while in the rural communities of Tyva, Buryatia, Khakassia the corresponding figures are 64,3%, 42,7% and 40,5% (Demographic..., 2012, pp.168–174).

The dynamics of marital and extramarital births in 1991–2013 also demonstrates a complex character of this process. A fast growth of the number of extramarital births in the period of transformational shock in the 1990s among one group of the population was related to the changes in the values system described in the second demographic transition theory, and among another group — to instability of the family life conditioned by a deep

economic and social crisis. As the nation's social and economic situation was improving, the growth rate of the number of extramarital births first slowed down, then stabilized, and in recent years this number has been declining (Figure 4). Marital births account for nearly all increases in the number of births in 2007–2013, stimulated by the demographic policies.

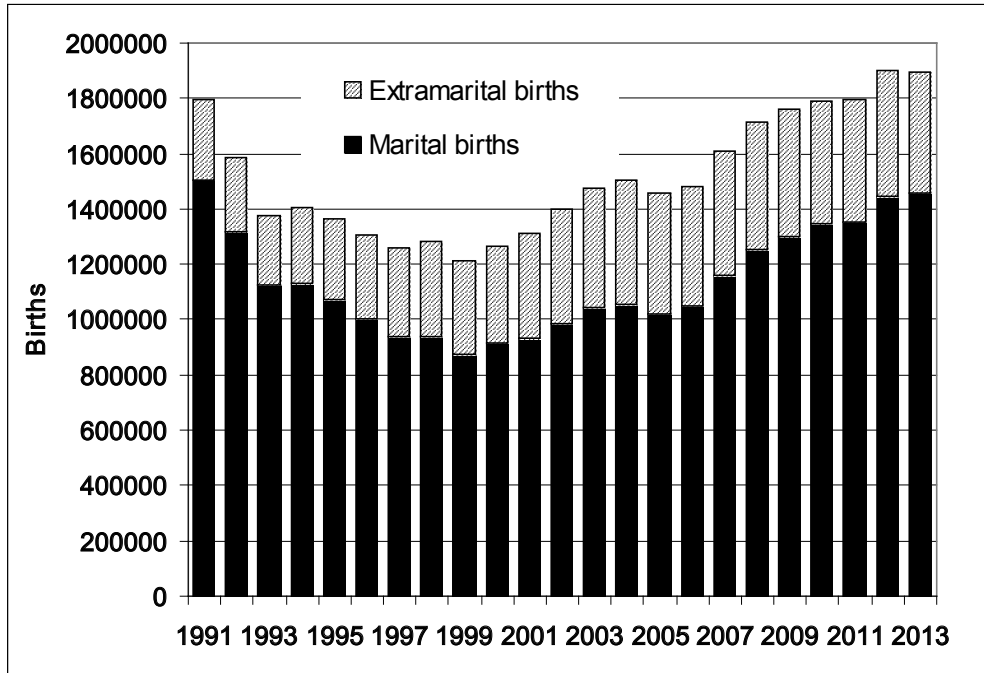


Figure 4. The numbers of marital and extramarital births in Russia in 1991–2013

Source: (Socio-... 2012); (Rosstat..., 2014, p.83, 88).

In view of all that has been said above, the social and demographic policy makers in Russia should avoid relying on such feature of the second demographic transition theory as the division of families into “progressive” — the ones that are guided by non-conformist values (Surkyn, Lesthaeghe, 2004) and give birth when they are close to 30 — and the rest. Demographic policy in Russia should be differentiated, take into account specific needs of different types of household and ensure a fair balance of their interests.

Conclusive remarks

The attempts to explain Russia's modern demographic situation through the lens of the second demographic transition theory have been made for 20 years now, which warrants a preliminary analysis of this theory's application. I believe that this theory gives an adequate description of the behavior of only a particular group of Russians. This group, however, was not in the majority during the period under consideration. Moreover, presently we do not have any compelling evidence that it will be in near future.

In the period we review, the second demographic transition theory was adapted to non-Western societies by way of expanding its initial formulation. In its initial version, this theory was intended for describing processes that take place in Northern and Western Europe. It was not by chance that the description of these processes based on this theory referenced “democratic welfare states”, “democracy with roots from below” and “post-materialist values”. What was meant was not simply changes in demographic indicators (in this case we would have, instead of a theory, a commentary to a statistical compendium) but shifts in the value system, which were conditioned by a particular socio-economic environment and generated new patterns of demographic behavior. Such coupling of the theory and its object made it difficult to use it to explain changes going on outside Western countries. A solution — illusory, I believe — found by proponents of this theory was to replace the initial definition of the second demographic transition by a different, wider one.

Zakharov in his works, for instance, uses several definitions of the second demographic transition, the contents of which are somewhat at odds with each other. “An individual in his demographic behavior,” he argues, “is most likely to be guided by non-materialist values, ‘fine-tuning’ his individual calendar of demographic events to changes in the specific and diverse life circumstances” (Zakharov, 2002). “The second demographic transition,” writes Zakharov, “is related to shifts in the modern individual’s life cycle that are as critical as the first transition: there is even more freedom of choice among marriage partners and forms of partnership, there is an ever more responsible approach to the consequences of sexual relation, matched by a child planning that is more efficient than in the past” (Zakharov, 2005). As is easy to see, none of the formulations reference “a democratic welfare nation”, and the second one does not even mention “non-materialist values”. Zakharov’s later works simply mention “the evolution of fertility in developed countries, which is called the second demographic transition” (Zakharov, 2008, p. 250). When even the definition of the second demographic transition becomes blurred, there is a danger that a discussion about common features of fertility patterns in Russia and other developed countries will prove fruitless.

I believe (Klupt, 2008, 2010, 2012; Klupt, 2011) that a different approach would be more fruitful. Russian modernity is different than the Western one. It cannot be appropriately described if the theories expounding Western modernity are ignored; but it is equally impossible to explain it relying on such theories alone. Rather, the researchers should apply the prism of Russian institutions to explore social, political, economic and other mechanisms that refract the global and Western European impulses. The multiple modernities paradigm and institutional approach are a better platform for solving this problem than the second demographic transition theory.

The issues reviewed above have two aspects that appear to be of paramount importance. First, although the state’s role has significantly changed during the recent decades, the state continues to be a powerful influence on demographic processes in Russia. This implies that if we want to understand these processes we should take into account not only the “family — fertility” dyad but also the “state — family — fertility” triad. Second, an issue that urgently needs exploring is the impact of the Russian society’s evolution on the procreative behavior of different social groups and this behavior’s motivational basis. To become more effective, Russian demographic policy should be based on a better understanding of the mechanisms of procreative behavior and the needs of different social groups of Russian society.

REFERENCE

- Alexandrov Yu.I., Kirdina S.G. 'Types of mentality and institutional matrixes: a multidisciplinary approach'. In: *Sotsiologicheskie issledovania [Sociological Research]*, 2012, No. 2, pp. 3–12.
- Alexandrov Yu.I., Kirdina S.G. 'Co-evolution of the institutions and mentality models'. In: *Evolutionary and Institutional Economy: Theory, Methodology, Research Practice*. Vol. 2. Akulov V.B., ed. 2013, pp. 69–81.
- Antonov A.I. *Sociology of Fertility*. Moscow: 1980.
- Antonov A.I. 'Falling birth rates, the crisis of the family and inevitability of depopulation in Europe in the first half of the 21st century (a sociological approach)'. In: *Demograficheskie issledovania [Demographic research]*. Antonov A.I., ed. Moscow, Moscow State University: 2009. Pp. 68–80.
- Borisov V.A. 'Demographic situation in modern Russia'. In: *Demograficheskie issledovania [Demographic research]*. Antonov A.I., ed. Moscow, Moscow State University: 2009. Pp. 81–103.
- Vishnevsky A.G. *Society and Reproduction of Population. History, Modernity, a Look into the Future*. Moscow: 1982.
- Demographic Modernization of Russia: 1900–2000. Vishnevsky A.G., ed. Moscow: 2006.
- Demographic Yearbook of Russia. 2012: Rosstat. Moscow: 2012.
- Demographic Yearbook of Russia. 2013: Rosstat. Moscow: 2013.
- Demographic Yearbook of Russia. 2014: Rosstat. Moscow: 2014.
- Zakharov S.V. 'Fertility in Russia: first and second demographic transitions'. In: *Demographic Modernization, Private Life and Identity in Russia. Theses of presentations*. Moscow: 2002. http://demoscope.ru/weekly/knigi/konfer/konfer_08.html
- Zakharov S.V. 'Fertility prospects in Russia: second demographic transition'. In: *Otechestvennye zapiski [Annals of the Fatherland]*. 2005. No. 3. Pp. 124–140.
- Zakharov S.V. 'Demographic analysis of the effect of the family policy measures in Russia in the 1980s'. In: *Sotsialnaya politika, ekspertiza, rekomendatsii, obzory [Social Policy: Expertise, Recommendations, Reviews (SPERO)]*. 2006. No. 5. Pp. 33–69.
- Zvereva N.V. 'What the population thinks about the demographic policies: the regional aspect'. In: *Regional Demographic Policy-making. (Demograficheskie issledovania [Studies in Demography]*, vol. 20). Moscow: 2012. Pp. 110–128.
- Klupt M. *Demography of Regions of the Earth*. St.Petersburg: 2008.
- Klupt M.A. 'Demographic agenda of the 21st century: theories and realities'. In: *Sotsiologicheskie issledovania [Sociological Research]*. 2010. No. 8, pp. 60–71.
- Klupt M.A. 'Regional alternatives of global demographic development'. In: *Obschestvennye nauki I sovremennost' [Social Sciences and Modernity]*. 2012. No.2. Pp. 66–77.
- Conception of Demographic Policy of the Russian Federation for the Period up to 2025 (approved by Decree No. 1351 of the President of the RF on October 9, 2007).
- Vital Statistics of Population of Russian Federation in 2013. Rosstat, 2014.
- Population of Russia — 2000. Vishnevsky A.G., ed. 8th annual demographic presentation. Moscow: 2001.
- Population of Russia — 2009. Vishnevsky A.G., ed. 17th annual demographic presentation. Moscow: 2011.

- Population of Russia — 2012. Vishnevsky A.G., ed. 20th annual demographic presentation. Moscow: 2014.
- Russian Statistical Yearbook. 2014. Rosstat, 2014.
- Situation with fertility. A database of the Public Opinion Foundation (FOM). April 28, 2011. <http://bd.fom.ru/report/map/d111719> (accessed on October 4, 2012)
- Socio-economic Indicators of the Russian Federation in 1991–2011 (appendix to statistical compendium Russian Statistical Yearbook. 2012). Rosstat. An electronic publication. http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1270707126016
- Dalla Zuana G.* The Banquet of Aeolus. Familistic interpretation of Italy's lowest low fertility. Demographic Research, 2001, Vol.4, article 5.
- Eisenstadt S.* Multiple modernities // Daedalus; Winter 2000. Vol. 129. N1.
- Esping-Andersen G.* The three worlds of welfare capitalism. Cambridge, 1990.
- Granoveter M.* (1973) The strength of weak ties. American Journal of Sociology 78(6), pp.1360–1380.
- Hajnal J.* (1965): European marriage pattern in historical perspective in D.V. Glass and D.E.C. Eversley, (eds.) Population in History pp.101–146.
- Klupt M.* Demographic Changes as a Multi-Choice Process: Role of the Regions. In Iontzev et al. (eds). Demographic developments: challenges of globalization (The seventh Valentevskiye Chteniya). International Conference. Moscow 2012, pp. 602–613.
- Lesthaeghe R.* The unfolding story of the second demographic transition. Population and Development Review 36(2):211–51 (2010).
- Martinelli A.* Global Modernization. Rethinking the Project of Modernity. Sage publications. 2005.
- McNicol G.* Legacy, policy, and circumstance in fertility transition. Population and Development Review 35 (4). December 2009, pp.777–795.
- Micheli G.* Kinship, Family and Social Network. The anthropological embedment of fertility change in Southern Europe Demographic Research, 2000, Vol.3, article 13.
- Mouzelis N.* Modernity: A non-European conceptualization // C. Keyder (ed.) Tradition in Modernity. Southern Europe in Question//Proceedings of the ISA Regional Conference for Southern Europe. Istanbul. June 20–21 1997. pp. 25–44.
- North D.* Institutions, Institutional Change and Economic Performance, Cambridge University Press, 1990.
- Perelli-Harris B., Gerber T.* Non-marital Childbearing in Russia. Second Demographic Transition or Pattern of Disadvantage // MPIDR WP 2009–007, March 2009.
- Reher D.* Family Ties in Western Europe: Persistent Contrasts. Population and Development Review 24(2):203–234 (June 1998).
- Surkyn J., Lesthaeghe R.* Value Orientations and the Second Demographic Transition (SDT) in Northern, Western and Southern Europe: An Update. Demographic Research special collection 3, article 3 2004.
- Van de Kaa D.J.* Anchored Narratives: the Story and Findings of Half a Century of Research into the Determinants of Fertility. Populations Studies, 1996, vol. 50, p.389–432.
- Zakharov S.* Russian Federation: From the first to second demographic transition. Demographic Research. 2008. Vol. 19, article 24.

Population and Procreation

China has a history of five thousand years and is the most populous country in the world. In 1949, China had a population of 540 million (the National Statistics Bureau, 2013). According to the 1953 Census, the population was 600 million. By the end of 1960s, it surpassed 800 million. In the middle of 1970s, it reached 900 million (Tian, 2009:87). During this period of time, Chinese government realized the necessity of birth control, But it hadn't adopted any Family planning policy. Within just 20 years, Chinese population jumped from 600 million to 900 million, highlighting the urgency of population control. Therefore, from 1970s, based on the principle that population reproduction should be in line with material reproduction, family planning policy was introduced and went through a series of improvements. In 1982, "practicing family planning, controlling population, and improving population quality" was adopted as a basic national policy, and also was clearly stipulated in *The Constitution of the People's Republic of China* (PRC). Family planning policy thus played an important role in the layout of Chinese socio-economic development. However, despite the coordinative efforts of related government bodies to implement it, Chinese population reached 1.2 billion in 1995 and surpassed 1.3 billion from the 2010th Census, due to the grand population base and the three baby booms during 1949–1958, 1962–1975 and 1986–2000 (Ma, 1989).

Concerning China's population issue and family planning policy, the maximum bias from abroad lies in that most foreigners view it as a "one child policy" (Joan Kaufman, etc., 1989; Gabe T. Wang, 1999). Therefore, China's family planning policy and its implementation were under abundant criticism and accusations from western countries, particularly from religious groups, politicians and human rights organizations. In fact, China's family planning policy is not a "one child policy", but a policy which could be adjusted according to urban and rural areas, ethnic groups, and population density, while providing various welfares and reproductive services to the families concerned.

Procreation has impacts on population quantity, quality and structure, and population issue affects the development of family, society and economy. To present a general picture of China's procreation and population, this chapter will review and prospect the evolvement of China's family planning policy, the trend of childbearing-age women's reproductive behaviors, reproductive health care and services after the founding of the PRC.

Family Planning Policy

China's family planning policy, in short, is to "control population quantity, improve population quality, and optimize population structure". It involves the adjustment of the number of birth, the requirements of marriage age, childbearing age and birth interval, eugenics, incentives and restrictions concerned with the adjustment of the number of birth, family planning management of migrant population, etc. Among them, the most eye-catching issues are the adjustment of the number of birth, one-child and two-girl households and the coverage of maternity insurance.

a. *Family planning policy is not a “one child policy”*

During the early years after the founding of PRC, the rapid growth of population, either in absolute amount or in relative amount, garnered attentions from the government and all walks of life. The 1953 1st Census showed that from 1949 to 1953, the net growth of population was 46 million with a natural growth rate of 23%, and the total population was 602 million. Large population and rapid growth rate had some impacts on the socio-economic development. Meanwhile, women engaged in social work were in urgent demand for contraception to avoid the impacts on their work, study and life caused by many and frequent births. Both economic development and women's demand put the birth control issue before the government.

The concept of family planning emerged in the mid 1950s. In 1954, Deng Yinchao, the then vice president of China Federation of Democratic Women, wrote to Deng Xiaoping and passed on some women cadres' birth control suggestion. On May 28, Deng Xiaoping wrote back and stated “contraception is completely necessary and beneficial” (quoted from SPFPC, 2007:20–21). In the end of 1954, Liu Shaoqi made remarks on a birth control meeting held in the State of Council and pointed out “the Party is in favor of birth control”. Therefore, from 1954, some local governments and large- and medium-scale cities initiated preliminary birth control activities. In 1955, the Central Committee of Communist Party of China (CPC) finally issued *Guidelines concerning Population Control Issue* and pointed out “birth control is an important policy related to the masses of the people's life. Under the present historical context, our party is in favor of proper birth control for the benefits of state, family and new generation.” (Jiang, Wei, & Guo, 2011:2). Based on fieldwork, the population economist Ma Yinchu concluded that large population and its fast growth intensified the contradictions with the capital accumulation, the upgrading of labor productivity, the improvement of living standard and the development of science, which hampered the improvement of population quality. Therefore, he published *New Population Theory* in 1957, suggesting “the control of population quantity and the improvement of population quality” with the introduction of family planning policy, such as delaying the age of marriage and promoting “two children one couple” (Tian, 2007; Jiang, 2007). Unfortunately, in the debate afterwards, *New Policy Theory* was smeared as “Malthus' reproduction in China” and Ma Yinchu was also criticized. The advancing of family planning faced difficulties. Particularly during the Cultural Revolution period of 1966–1976, it was almost at a standstill. Especially in the 1966–1976 period of Cultural Revolution, during which family planning was almost in a stagnant state.

Due to the large population base and the impact of two baby booms in 1950s and 1963–1970 respectively, Chinese population reached 900 million in 1970s, accounting for one fifth of the world total. The central government held that only the one child policy could mitigate the baby boom impact. Such thought was materialized into policy at a national family planning meeting held in December 1973. The official family planning policy stipulated that a couple was encouraged to bear children following the rules of “late, seldom and few”, i.e., “late” means delaying marriage and childbearing age; “seldom” means prolonging birth interval; “few” means reducing the number of children.

The reform and opening-up policy, focusing on socio-economic development, proposed the objectives of four modernizations, i.e., agricultural, industrial, science and

technology, and defense modernizations. The rapid growth of population would hamper the realization of the four modernizations, particularly the contradictions between population development and the development of economy, resource and environment. In October 1978, the central government passed and forwarded *Report on the 1st Meeting of the State Council Leading Group for Family Planning*, which suggested “a couple would better have one child, no more than two, and birth interval would better be 3 years and above”. Thus on Sep. 7, 1978 at the 3rd meeting of the 5th session of the National People’s Congress, the State Council set the population goal of “no more than 12 billion by the end of the 20th century” (quoted from SPFPC, 2007:97). On Sep. 25, 1980, the Central Committee of CPC published *An Open Letter to All the CPC Members and the CPC Youth League Members concerning Population Control Issue* and called upon those members to bear one child, signifying family planning policy was transformed from “late, seldom and few” suggestion in 1970s to a more stringent “one child” requirement.

However, the “one child policy” met with difficulties in its implementation, particularly in rural areas. The household contract responsibility system’s demand for male labors, the traditional concept of raising sons to support their parents in their old age, together with the lack of social security system, all these led to difficulties in peasants’ life and tense relations between family planning cadres and the masses on birth issue. Therefore, in April 1984, the Central Committee of CPC forwarded *Report on Family Planning Work* by the State Family Planning Commission (SFPC), and continued to “encourage a couple to bear one child”, while suggesting the improvement of family planning policy, i.e., the “relaxation” policy. Specifically speaking, “the relaxation policy can be adopted in rural areas, which means a second child is allowed upon approval based on the conditions stipulated; a second child and more children born without approval is prohibited; favoritism and illegal trade on birth issue are prohibited; ethnic minorities under 10 million population are allowed to have a second child, some a third child, but no a fourth child.”

In 1988, the Standing Committee of CPC approved *Outlines of Family Planning Work* by SFPC and made clear the basic concept of current birth policy: “encouraging late marriage and childbearing ages, and fewer and healthy births as well; encouraging one couple one child; some rural residents who have difficulties, including one-girl households, and demand for a second child, are allowed to have a second child after an interval of several years; a third child is never allowed under any circumstances; family planning is also encouraged in ethnic minority areas, and provinces and regions concerned can work out specific requirements and practices according to local conditions.” It also pointed out “the above-mentioned policy must be implemented for a quite long time. Its stability contributes to population control.”

From the end of 1980s, in accordance with the 1988 family planning policy, all the provinces, regions and municipalities formulated local family planning regulations. On Dec. 29, 2001, *Population and Family Planning Law of the PRC* was approved at the 25th meeting of the 9th session of the Standing Committee of the National People’s Congress. It was stipulated that the state would maintain current birth policy, encourage late marriage and childbearing ages, and promote one couple one child; a second child would be allowed under the premise of satisfying the conditions stipulated in laws and regulations, and the local People’s Congress and its Standing Committee would work out specific measures.

Ethnic minorities would also practice family planning, and the local People's Congress and its Standing Committee would work out specific measures.

From 2002, all the provinces, regions and municipalities revised family planning regulations in accordance with local conditions. Totally speaking, family planning policy isn't a one-child policy. Not only different birth policies are formulated in accordance with urban and rural areas, ethnic groups and population density, but also the humane care towards special groups is taken into considerations. Firstly, there are different regulations between urban and rural areas. Urban dwellers should follow one couple one child policy. The birth policy for rural residents is different. Rural residents in 6 provinces and municipalities basically follow the policy of one couple one child; the policy of one couple two children is allowed in the rural areas in 5 provinces and regions; one and a half child policy is implemented in 19 provinces and regions, i.e., if the first child is a girl, a second child will be allowed.

Secondly, the birth policy for ethnic minorities. There are 55 ethnic minority groups in our country. They follow a more relaxed birth policy than Han residents do. Ethnic minorities in urban and rural areas follow the policy of one couple two children; as for ethnic Uyghurs, Kazakhs in Xinjiang Autonomous Region, if the first and the second children are all girls, a third child will be allowed; ethnic minorities of fewer population or ethnic minority herders in border areas follow the policy of three children; ethnic minorities of particularly scarce population are not subject to the restriction of the number of birth.

Thirdly, the humane care towards special groups is taken into considerations. One is concerning about one of the couple or both the couple who are only children, all the provinces, regions and municipalities can work out different birth regulations in accordance with local conditions. Till now, all 31 provinces, regions and municipalities stipulate that "one of the couple is the only child for two generations or both the couple who are only children can bear two children." In 2013, The Central Committee of the CPC's Decisions on Some Major Issues concerning Comprehensively Deepening the Reform, newly adopted at the Third Plenary Session of the 18th Central Committee of the CPC, put forward "the adhering to the basic state policy of family planning and the implementation of the new policy of couples with one spouse being an only child permitted to have two children", signifying major adjustments in the family planning policy and important measures to adapt to the new situation of population development and public opinion. The new policy will not only slow down the speed of aging population and stimulate the continuous and healthy development of economy, but also realize the uniformity between state policy and public opinion, enhance family's ability to resist risks, increase family's function to care for elders and promote family happiness and social harmony while stabilizing moderately low birth rate and promoting the long-term balanced development of population and the harmonious and continuous development between population and economy, society, resource and environment" (National Health and Family Planning Commission of China, 2013). Later on, some provinces, autonomous regions and municipalities modified the population and family planning regulations and activated the policy of couples with one spouse being an only child permitted to have two children. Take Shanghai as an example, the 25th term of Chapter 5 of the newly modified Shanghai Population and Family Planning Regulations replaced one of the conditions for "one more child", i.e., "both the couple being an only child" with "one spouse being an only child".

Meanwhile, one more child is also permitted under special conditions. Take Shanghai as example, the Shanghai Population and Family Planning Regulations passed in 2003 included but not limited to the following: the first child is identified as disabled due to non-hereditary reasons, and there is little possibility that the child will grow up into an individual with normal working ability; one party of the couple is identified by proper agencies as disabled due to non-hereditary reasons, which affects work and makes him or her unable to take care of himself or herself in daily life; one party of the couple is a handicapped soldier of Degree 2, Class B or above; one party of the couple has been working in the fishing industry as a fisherman on the sea for over five consecutive years; the wife holds the Municipality's rural household registration and has no brothers but sisters who each have only one child, and the husband lives in the wife's home to support the elderly; due to infertility after marriage, pregnant after adopting a child according to The Adoption Law of the PRC, etc.

In sum, China's family planning policy is not restricted to a "one child policy", but a multiple one based on the needs of urban and rural areas, ethnicity, population density, and specific groups.

b. Welfares and security of birth-control families are emphasized.

In the end of 1970s, a family with several children was quite common in urban areas, particularly in rural areas. Since a family with more sons meant economically beneficial, different families adopted different strategies towards family planning policy by taking material benefits into considerations. In order to encourage the masses to follow family planning policy consciously and voluntarily, it was necessary to do a good job in publicity and education, while formulating correct economic policy aimed to grant material rewards to the families answering the call of family planning, and to impose material sanctions to the families turning a deaf ear to the call of family planning (Gui, 1981:35-56).

In September 1980, *An Open Letter* published by the Central Committee of CPC stated that "in order to control the population growth, the party and the government decided to take a series of specific measures. The only child and his or her family should be taken care of in terms of kindergarten and school enrolment, medical care, employment, allocation of urban housing and rural residential base." (quote from the National Population and Family Planning Commission, 2007:383), which could increase their physical, scientific and cultural qualities.

In 1981, the population policy of "controlling population quantity and improving population quality" was put forward at the 4th session of the 5th National People's Congress. In 1982, family planning policy was defined as a basic national policy at the 12th Congress of CPC and was written into the newly-revised *The Constitution of the PRC*. Its main content lies in the encouragement of late marriage and childbearing ages, fewer and healthy births as well. From 1982, "controlling population quantity and improving population quality" was highlighted in all the publicities and practice of family planning by all levels of government. It could be said the benefit-oriented policy implemented during this period was targeted at the encouragement of fewer births with an emphasis on population quality.

In 1990s, the reward policy of family planning focused on one-child households and two-girl households. Firstly, the "three combinations" policy of family planning was